

Код власти

Автор:

Юрий Гарда

Код власти

Юрий Гарда

Олег Таругин

Испокон веку считалось, что войны начинают политики, а гибнут в них простые солдаты. До самого последнего времени так оно и было. Первая Галактическая не опровергла древнего закона, просто внесла в него некоторые поправки. Чудовищные шестерни войны по-прежнему обильно омывались солдатской кровью, но эту войну начали не политики, а... Межпланетная Финансовая Корпорация – экономическая честь и совесть человеческой расы. Именно МФК сыграла роль поджигателя войны. И помешать ей не смог никто. Даже стратегическая разведка Военно-космического флота. Как ни странно, но на пути могущественной мегакорпорации встала девушка – прикомандированная к штабу Второй ударной группировки Военно-космического флота журналистка Лика Бачинина. Именно ей предстояло разгадать таинственный Код власти.

Олег Таругин, Юрий Гарда

Код власти

Авторы выражают глубокую признательность всем, кто помогал им ценными советами и критическими замечаниями в написании этой книги: Диме Политову, Леше Махрову, Александру Романову, Владиславу Воценикину, Вадиму Мельнюшкину, Евгению Добрецову, Елене Кашириной.

Особая благодарность Валерию Кирсанову – за непримиримую, но конструктивную критику – и Филиппу («iphi») Саввулиди – за любезно предоставленные прекрасные стихи.

Огромное спасибо вам, друзья!

Пролог

Испокон веков считалось, что войны начинают политики, а гибнут в них простые солдаты. Так оно, по сути, и было до самого последнего времени. Нет, История вовсе не опровергла древнего постулата, она просто внесла в него некоторые поправки. И если во второй его части все осталось неизменным и чудовищные шестерни войны по-прежнему обильно омывались солдатской кровью, то в первой...

Эту войну начали не политики, ее начали финансисты.

Те, кто сконцентрировал в своих руках почти треть накопленных человечеством материальных ценностей. Неприкосновенная и непогрешимая Межпланетная Финансовая Корпорация, контролирующая добрую половину дальних колоний со всей их добычей полезных ископаемых, валовым национальным продуктом и прочими прелестями развитой планетарной экономики. Та самая, на верфях которой были построены поражающие воображение мегалайнеры космической эры «Пространство» и «Время». Та самая, услугами чьих банков не гнушалось пользоваться ни Всемирное правительство, ни Военно-космический флот. «Гарант финансовой стабильности, равноправия и демократии» в освоенной части Галактики. Финансовая честь и экономическая совесть человеческой расы.

Именно МФК сыграла роль поджигателя первой за двести лет галактической экспансии войны. Осуществив это руками инсургентов из так называемой «Новой формации»...

Конечно, более-менее разобравшись, что происходит, правительство попыталось взять ситуацию под контроль, но было уже поздно. Многочисленные

«национальные гвардии» и «армии самозащиты» удаленных на тысячи световых лет колоний оказались вполне подготовленными и боеспособными регулярными воинскими подразделениями. Со стапелей судостроительных заводов МФК все эти годы сходили не только пассажирские транспорты, спасательные и грузовые суда, но и боевые корабли, и платформы орбитальной обороны, и даже тяжелые мониторы прорыва. Ключевые миры корпорации неожиданно отгородились глубокоэшелонированными многоуровневыми комплексами орбитальной обороны, о которую болезненно обломал зубы поднятый по тревоге Военно-космический флот. А принадлежавшие госструктурам банковские счета таинственным образом вдруг опустели. Как, собственно, и спецхранилища всех без исключения банков корпорации во всех без исключения не контролируемых ею мирах...

Первая в истории человечества Галактическая Война грозила оказаться весьма затяжной. Пространственная блокада мятежных миров могла длиться многие десятки лет, а об активных действиях, таких как тотальная орбитальная бомбардировка или применение гравитационного оружия, в правительстве пока что и речи не шло. После двух с половиной мирных веков вершителям человеческих судеб трудно было представить себе выжженные на десятки метров вглубь или превращенные в облака радиоактивной пыли планеты, незадолго до того населенные миллиардами людей...

Вот только о причинах этой не слишком-то понятной войны никто так ничего узнать и не сумел. Вообще никто и вообще ничего.

Даже стратегическая разведка Военно-космического флота.

Даже вездесущие журналисты...

1

Лика

Лика Бачинина, прикомандированная к штабу Второй ударной группировки Военно-космического флота журналистка, сидела в десантном модуле, привычно

вжимаясь спиной в эргономичное, но все равно не слишком удобное откидное кресло – индивидуального противоперегрузочного ложементы ей не достались. Модуль – «бот» на флотском сленге – был рассчитан на десятерых десантников в полной штурмовой экипировке, Лика была одиннадцатой. Вспомнилась первая высадка – тогда она оказалась двенадцатой – и ведь ничего, приземлились. Точнее, «припланетились», поскольку Земля находилась от точки высадки примерно в десяти тысячах световых лет. И все нормально прошло. Вот и сейчас все нормально пройдет... хотелось бы надеяться. Комвзвода, старший сержант Бобровичус, конечно, здорово рискует. Ну, не имел он права сажать в модуль постороннего, вообще не имел права брать кого-то на борт без разрешения вышестоящего начальства (когда начальство разрешало, вместимость «Барса», именно так назывался десантный модуль М-класса, видимо, существенно повышалась, а риск, напротив, снижался). Вышестоящее же начальство разрешения бы не дало ни в коем случае: контр-адмирал Чебатуриной строго-настрого запретил «участие лейтенанта Лики Бачининой, военного журналиста, в каких-либо боевых либо вспомогательных операциях». Запретил чуть ли не в личной беседе с командирами подразделений, причем так, чтобы девушка об этом ни в коем случае не узнала. Она, конечно же, узнала – имела своя «разведка» и «контрразведка» – и была оскорблена до глубины души. Первым побуждением было пойти и устроить Сергею Геннадиевичу небольшой такой скандал. Однако, трезво рассудив, что ничем хорошим, кроме банальной ссоры с любимым, это не закончится, она передумала и решила отправиться к Главкому: типа, не в курсе решения Чебатурина и просто пришла за разрешением участвовать в операции в качестве штатного военного репортера. Но по дороге на мостик снова передумала: вот придет она сейчас к адмиралу Политову, и что дальше? Кто непосредственно руководит операцией, решая, кому участвовать, а кому нет? Правильно, начштаба Второй ударной некий контр-адмирал ВКФ Чебатуриной С.Г. И первым вопросом Главкома соответственно станет: «А почему тогда ко мне?» Вторым же будет уже вовсе не вопрос, а вполне категоричное «нет». Причем совершенно непонятно почему – то ли из-за их с Сергеем отношений, то ли из-за боязни за нее, Лиду, то ли, чтобы никого дополнительно не напрягать, заставляя за ней приглядывать. Поскольку никому ее не поручить Дмитрий Валерьевич, относящийся к строптивой журналистке как к собственной дочери, точно не сможет. Но ведь ей надо участвовать в этой экспедиции, надо, понимаете?! Она уже совершенно закисла, бегая между штабом и пресс-центром и составляя маловразумительные пресные репортажи «по материалам, предоставленным командованием Флота»! Ей просто жизненно необходимо сделать, простите за тавтологию, живой репортаж прямо с места событий!

С этой мыслью Лика и остановилась, с удивлением отметив, что, оказывается, уже почти добралась до штабного яруса и стоит сейчас в нескольких метрах от герметической переборки с надписью «Внимание! Допуск только по пропускам категории А-1». Гм, а зачем ей, собственно, вообще разрешение контр-адмирала или Главкома? Неужели у нее мало своих связей?

Первым, к кому она обратилась, оказался старший сержант Андреас Бобровичус, высокий улыбчивый парень с постоянной небритостью на лице, которую ему давно перестали вменять в вину и наказывать нарядами вне очереди. Сержант просто-напросто обрастал с такой скоростью, что на него махнули рукой, наградив по-армейски предсказуемым прозвищем «Борода». Было ли это следствием некой неопасной для жизни мутации (родом он был с рудничной планеты, естественный радиационный фон которой превышал норму почти в полтора раза) или нет, никто не знал. По идее, он не должен был отказывать Лике, в какой-то мере считая себя ее должником. Во время прошлой высадки отснятый ею материал весьма помог сержанту восстановить справедливость – был тогда, помнится, некий моментик, который после разбирательства (не без ее, ясное дело, участия) командование предпочло гласности не предавать. Короче говоря, Бобровичус оказался кругом невиноватым, а виновными оказались... впрочем, ладно, сор из избы, как известно...

Девушка честно рассказала ему о запрете Чебатурина и о том, для чего ей нужно участвовать в операции. Сержант флегматично кивал, порождая в душе невнятные сомнения: неужели тоже побоится взять ее с собой? Но Бобровичус, кивая, выслушал ее до конца и сообщил:

– В девять семнадцать быть возле четвертого ангара, там получишь комплект и шлем. В девять девятнадцать построение, там тебя видеть не должны. В девять двадцать погрузка и старт. Когда меня посадят, на «губу» принесешь сгущенку и соленые галеты, сладкие не надо, я их не люблю. Если пойду под трибунал, родным отпишешь, какой я был герой.

Эта его манера все «разжевывать», произнося слова медленно и совершенно не меняя интонации, обычно вызывала желание залепить звонкую затрещину, чтобы хоть немного разбудить вечно флегматичного парня. В роду Бобровичуса были – чем он премного гордился – финны, литовцы и русские, что накладывало на характер сержанта определенный отпечаток. Впрочем, в боевой обстановке «отпечаток» чудесным образом исчезал, и Андреас получал просто удивительную способность мгновенно принимать решения и действовать

сообразно обстановке. Но сегодня Лика готова была простить ему все эти бесконечные «де-е-вя-ять де-евятна-а-адцать – по-остро-о-е-ние». Она, быть может, даже и расцеловала его, фигурально, конечно, выражаясь. Ну, не любила она все эти «телячьи нежности», не любила, и все тут! А еще больше не любила экзальтированных дамочек, которые всех благодарили с помощью поцелуев, по-видимому полагая, что эти самые «все» так и жаждут их лобзаний...

– Я б тебя поцеловала, Андреас, – с улыбкой произнесла она вместо всего этого, – да только вот образина твоя вечно небритая. А ты не боишься?

Десантник флегматично пожал плечами: дескать, чего мне бояться? Вот уж действительно глупый вопрос – чего Андреасу бояться? Нагоняя, что он получит после окончания операции? Так ведь сказал уже: на «губу» – сгущ и галеты. Понизят в звании? Станет не старшим сержантом, а младшим? Велика потеря, в следующем же выбросе вернут лычку назад, никуда не денутся. Ну, а если не вернется, если погибнет в бою? Тут и вовсе ясно, победителей и павших, как известно, не судят. Все это настолько явно отобразилось на меланхоличной физиономии десантника, что Лика не выдержала и рассмеялась...

Рассмеялась она и сейчас, глядя на спящего сержанта. Насколько бы ни были опытными ребята, перед операцией все равно мандражируют. Ну, а как не мандражировать, когда летишь в практически беззащитном челноке (пассивная защита, все эти антирадарные покрытия из холодной плазмы, отстреливаемые ловушки и фантомные цели, не в счет), и от тебя вообще ничего не зависит: собьют – значит собьют. Правда, есть еще атмосферные истребители прикрытия, это уже куда серьезнее, чем вся прочая защита, вместе взятая, но риск все равно большой. А этот дрыхнет! Как ни в чем не бывало! Самым наглым образом! Во нервы у человека, только и остается, что позавидовать...

Над выходной рампой загорелась зеленая «разрешающая» панель. Судя по передаваемой на корпус вибрации, до приземления оставались считанные секунды: тормозные двигатели работали вовсю, гася неслабую инерцию многотонной машины. Андреас, как по часам, проснулся, деловито опустил вниз щиток своего командирского шлема, протянул руку к штурмовой винтовке, удерживаемой специальными захватами в основании ложемента... и замер, будто что-то почувствовав. «Барс», словно оправдывая свое название, по-кошачьи мягко коснулся почвы, просев на амортизаторах посадочных стоек, в боевом режиме ухнула вниз десантная аппарель, и в этот момент в них попали. Бот вздрогнул, как будто и не стоял на твердой почве, а продолжал спуск, и

накренился. Ремни и полужесткие фиксаторы сработавшей привязной системы резко рванули тело девушки назад, вжимая в спинку кресла. Ощутимо ударило по ушам, проем десантного люка окрасился в огненно-рыжие тона, и внутрь отсека ворвалась волна горячего, остро пахнущего какой-то химией воздуха. Но, прежде чем девушка успела по-настоящему испугаться, подстегнутые командой Бобровичуса десантники слаженно рванули наружу, и она поняла, что ничего такого уж страшного не произошло. Ну, попали и попали – разве это повод не выполнять боевое задание? Главное, чтобы Сергей свет Геннадиевич об этом моменте не прознал, а то ведь, пожалуй, будет перед каждой операцией ее под домашний (то есть каютный) арест сажать! Так, теперь бы еще только от кресла нормально отстегнуться, вот будет позор, если она запутается...

Как и было уговорено с Андреасом, Бачинина шла в последней паре, вместе с ефрейтором Колей, которому сержант ее «поручил». Впрочем, она и не спорила. При всем своем стремлении вести репортаж непременно с линии огня и лезть туда, куда, мягко говоря, лезть не следовало, Лика прекрасно понимала, что одного желания мало. Поскольку знала, что в бою первым гибнет наименее подготовленный.

К тому времени, когда они с ефрейтором протопали десантными башмаками по ребристой поверхности аппарели, остальные боевые пары уже рассыпались, спеша убратся подальше от бота. По идее, теперь модуль должен был немедленно сняться с места и уйти, но это «по идее». Оглянувшись, девушка поняла, что в ближайшее время челноку ничего подобного не светит: взрыв попавшего в них боеприпаса почти начисто снес пилотскую кабину. Пожалеть погибших пилотов она не успела – ефрейтор грубо подхватил ее под руку и рванул в сторону, расчетливым толчком приземлив за россыпью каких-то камней. Со всех сторон грохотало, звенящий от множества взрывов и выстрелов воздух пах гарью и озоном: в ход шло плазменное или лучевое оружие. Высадились они на окраине какого-то небольшого городка – пока бежали, девушка успела разглядеть в полукилометре разрушенные, горящие здания: перед высадкой десанта здесь прошлись штурмовики, в задачу которых входило уничтожение опоясывающих город укреплений. Вот только сработали они как-то слабо, укрывшийся в руинах противник оказывал серьезное сопротивление. Лика видела чадные костры на месте нескольких сбитых модулей, видела, как падали и уже не вставали парни из высадившихся раньше них отделений; видела, как расцвечивается вспышками выстрелов каждая груда камней. Спohватившись, Лика вытащила и включила камеру. Конечно, по возвращении можно будет скопировать записи с встроенных в шлемы десантников видеорегистраторов, однако подобное претило ее самолюбию. Одно дело заснять бой самой, другое –

воспользоваться чужим материалом. Тем более, она хорошо представляла, какую «картинку» можно при этом получить: вряд ли найдется хоть один боец, помнящий во время боя о камере, а скачущие неистовым галопом кадры «земля – небо – бегущие товарищи – снова земля» ее не слишком-то удовлетворяли.

– Не высовывайся! – одернул ее ефрейтор, властно прижимая к земле. – Тут у нас немножечко так война идет!

Оскорбиться Лика не успела – где-то впереди от их импровизированного бруствера сверкнуло и грохнуло, сверху щедро сыпануло землей, по шлему весело затарахтели мелкие камушки. Прочистив запорошенные глаза, девушка наткнулась взглядом на белозубую ухмылку:

– Не бойтесь, Лика Батьковна, это они так, промахнулись!

– Промахнулись? – Ничего более умного в голову не пришло.

– Ну, конечно, – совершенно искренне удивился Коля, – если б попали, мы бы с вами не разговаривали. Это пристрелка. А вот теперь погнались!

Спросить, куда, Лика не успела: десантник бесцеремонно подхватил ее под руку, заставляя бежать за ним, точнее, подталкивая в нужном направлении. «Нужное направление» завершилось краем глубокого, метра два высотой, бетонного желоба, куда он ее и спихнул. Ноги немедленно по самые колени погрузились в зловонную жижу – похоже, это было нечто вроде местного сточного коллектора. Позади шумно финишировал Коля, тем не менее подняв своим падением куда меньше брызг. Однако при одном виде поднятого им «фонтана» девушку немедленно вырвало.

– Вперед. – Ефрейтор не был настроен что-либо обсуждать или комментировать. – И побыстрее. Сейчас они...

Он не договорил. За спиной и выше, там, откуда они только что спустились, вспух огненный пузырь. Заложило уши, ударная волна сильно толкнула Лику в спину, обдала ощутимым даже сквозь бронекompлект жаром. Ого!..

– ...плазмой вжарят, – как ни в чем не бывало закончил парень. – То есть уже вжарили. Только нам это теперь до задницы, здесь не достанут. Пошли. Бегом.

– Пошли... – вытирая губы рукавом, мрачно согласилась Лика, лишь сейчас осознав, что едва не погибла. В голову закралась абсолютно крамольная мысль: а оно ей надо, так рисковать? Мысль была явно неправильной, и Лика постаралась загнать ее поглубже. Ведь она – можно сказать, форпост СМИ на той самой пресловутой линии огня; человек, призванный освещать события с максимальной достоверностью и бескомпромиссностью! «Кто же, если не она?!» И вот ведь, что скрывать, испугалась.

Бежать пришлось недалеко, метров пятьдесят, но и эти полсотни метров по колено в жутко вонявшей жиже показались поистине бесконечными. Защищенные бронекомплектom камуфляжные брюки мигом промокли, и даже внутри по определению непромокающих десантных ботинок стало сыро. Над головой по-прежнему грохотало, периодически вязкую поверхность нечистот на излете вспарывали шальные осколки или отброшенные взрывами камни. Так и не выключенная камера послушно фиксировала ход событий. Вот это репортаж так репортаж, настоящий эксклюзив! Ну просто зашибись, какой эксклюзив! Под заголовком: «Известная фронтовая журналистка Б., рискуя жизнью, форсирует заполненный дерьмом канал на временно оккупированной противником планете N.». Класс!..

Всласть посетовать над незавидной репортерской судьбой ей не дал, конечно же, ефрейтор. Парень неожиданно притормозил, прислушиваясь к чему-то, передаваемому по каналу боевой связи (радиогарнитура Ликиного шлема, в точности такого же, как и у остальных десантников, была отключена Бобровичусом вместе со всей прочей электронной начинкой – на тактическом планшете командира роты не должен был появиться «лишний» десантник), негромко буркнул «понял» и обернулся к девушке. И вдруг...

Нападавших – или, скорее, пытавшихся найти укрытие в том же самом желобе – оказалось двое. Первый шумно сверзился сверху прямо перед ними, второй, секундой позже, за спиной ефрейтора. Оба с готовым к бою оружием и в облегченных, защищающих только грудь и живот, бронекомплектах поверх незнакомого камуфляжа. Коля, оттолкнув девушку с линии огня, вскинул винтовку, нажимая на спуск и впечатывая врага в бетонную стену. Второго противника он не видел и не слышал за грохотом своих выстрелов. Зато его видела упавшая на колени Лика. Выпустив повисшую на ремешке камеру, ее

рука чуть ли не против воли обхватила рукоять пистолета в кобуре десантника, выдернула оружие (ремешок-фиксатор отскочил сам, когда сенсор рукоятки ощутил ладонь) и выстрелила. Выстрелила, искренне надеясь, что спусковой крючок данной модели не снабжен тактильным предохранителем «на хозяина» и Коля заранее загнал в патронник первый патрон. Ни пистолет, ни ефрейтор не подвели, и тяжелый общевойсковой «штайр» дважды дернулся в руке, отбрасывая человека назад. Десантник судорожно обернулся – и тут же расслабился: понял. Все заняло от силы пару секунд, но Лике показалось, что прошла целая вечность, что время неожиданно затормозилось, будто в замедленном голофильме. А затем оно неожиданно вернулось к своему обычному течению, и девушка расслышала голос ефрейтора:

– ...впервые, что ли, говорю, завалила кого-то? Понимаю, когда-то сам такой был. Ну, ты это, держись, не время сейчас, типа, потом попереживаешь. А вообще спасибо, ты мне жизнь спасла.

Лика автоматически кивнула, позволив десантнику вытащить из ее сжатых пальцев рукоять пистолета. Хмыкнув, Коля повертел «штайр» в руке и неожиданно протянул обратно:

– Ты, смотрю, девка боевая, так что держи. Только в спину мне с перепугу не пульни, а лучше вообще на предохранитель поставь. – Он показал, как это сделать. – Кобура, извини, не снимается, так что вон за ремень пока запихни. Ну все, пошли, а то Андреас психовать начнет. Только один момент...

Парень наклонился над ближайшим убитым, что-то рассматривая, затем выдернул из его руки оружие, точно такую, как у него, десантную штурвинтовку. И еще раз хмыкнул:

– Броник – «четверка-бис», полное старье, даже пистолетную пулю, сама видела, не держит, а вот винтовочка интересная, похоже, прямо со склада или конвейера. Кстати, сними-ка ее покрупнее, у тебя камера получше моей, вернемся – командованию покажем. Сняла? И номерок серийный видно? Вот и ладненько, пошли дальше воевать. Счас, только обстановку срисую, – и первым полез наверх, почти без усилий вымахнув наружу. Несколько секунд он отсутствовал, затем сверху раздалось: – Давай руку. – Распластавшийся на краю желоба десантник протянул ладонь. Более-менее отошедшая от случившегося Лика послушно протянула руку и вдруг, вскрикнув, зажмурилась. Опущенное на лицо забрало ефрейторского шлема разлетелось осколками бронепласта,

несколько жутких брызг попало на ее шлем и бронекомплект. Парень дернулся и обмяк. Выпущенная им штурмовая винтовка соскользнула вниз и глухо плеснула, погружаясь в зловонную жижу. Лика инстинктивно отступила назад и, поскользнувшись, с размаху села в грязь. И, бессмысленно глядя перед собой, с какой-то равнодушной отрешенностью вдруг поняла, что теперь просто не знает, что делать дальше. Бой, судя по звукам, хоть и сместился в сторону, вовсе не собирался стихать, связи нет (наручный комм гражданского образца ей ничем не поможет, поскольку она просто не знает частот боевой связи десанта), а «прикрепленный» к ней ефрейтор мертв. Самым же идиотским казалось то, что без посторонней помощи она даже не сумеет выбраться из желоба. Дотянуться до верха – да, а взобраться? Вряд ли ее ста семидесяти двух сантиметров хватит, чтобы залезть на двухметровую бетонную стену, покрытую склизким зеленым налетом. В намокшей тяжелой одежде и с пятнадцатью кило брони на плечах. Она же все-таки не десантник. Смешно, в студенческие годы Лика всерьез увлекалась альпинизмом, но никогда не думала, что ей когда-либо придется штурмовать подобную стену – гладкую, скользкую и во всех отношениях «дерьмовую». Эх, если б был хоть какой-нибудь упор; хоть что-то, на что можно встать! Взгляд девушки остановился на сидящем под самой стеной мертвеце, том самом, которого «сработал» Коля. Блин, как отвратительно, неужели придется это сделать?! Нет! Но ведь иначе ей не вылезти, а просто тупо сидеть, извините, в дерьме и ждать помощи, которая, еще неизвестно, будет ли?.. Да уж, удружил ей погибший десантник, ох как удружил! В следующий миг девушке стало стыдно. Дело было даже не в классическом «о покойных или хорошо, или...», а в том, что ефрейтор спас ей жизнь – Лика слишком хорошо помнила тот огненный всполох, обдавший жаром ее спину. Не спихни он ее вниз, родной Сережка Чебатурин даже и не узнал бы, где сложила дурную голову его взбалмошная любимая. Правда, вовсе не факт, что теперь он узнает об этом: утонуть в чужих фекалиях вряд ли лучшая участь, чем испариться в горниле расширяющегося плазменного контура!..

Немного придя в себя, Лика поднялась на ноги, со второй попытки вырвавшись из липкой трясины. Сколько она так просидела – минуту, две, десять или полчаса – девушка не знала, потеряв счет времени. Нет, интересное все же существо человек! Еще вчера рыжеволосая красавица-журналистка вряд ли поверила бы, скажи ей кто, что вскоре она будет преспокойно сидеть по пояс в реке из человеческого дерьма, вяло раздумывая о способах собственного спасения! Да что там «поверила»: многозначительно покрутила бы пальцем у виска. А вот ведь – и сидит, и раздумывает. Сейчас, правда, уже встала, хотя окружающее амбре от этого ничуть не изменилось и фиалками с прочими лютиками не запахло. Что ж, значит, судьба такая... но снимать мы ничего не

станем, и того, что останется в памяти, более чем достаточно. Камеру – будем надеяться, «купание» ей не слишком навредило – выключим и спрячем в один из карманов, выпасть вроде не должна.

Последующие несколько минут девушка занималась тем, о чем вряд ли захочется вспоминать в ближайшие годы. Она извлекла из вонючей трясины убитого ею парня (заодно окончательно прочистив свой желудок) и подтащила труп ко второму покойнику. Стараясь не смотреть в лицо сидящего, Лика разместила «своего» мертвяка в его ногах. Сжав зубы (переступить через себя оказалось ничуть не легче, чем заставить себя же наступить на труп), осторожно полезла вверх, цепко держась пальцами за край бетона и стараясь равномерно распределять нагрузку. Так, пока все хорошо, еще чуть-чуть и...

Голова девушки показалась над краем желоба. Как бы шальную пулю по Колиному примеру не схлопотать. Впрочем, нет, очень к месту оказавшаяся поблизости груда камней надежно прикрывала ее с этой стороны. Отлично. Теперь можно либо забросить локти и, потихоньку распрямляя руки, вылезти наверх, упираясь отчаянно скользящими носками ботинок в стену, либо попытаться оттолкнуться от ненадежной опоры и подтянуться, резко распрямив руки. Простейшее упражнение, не раз и не два выполняемое в альпллагере. И плевать ей на мерзкий запах, мокрую одежду, грохот катящегося в сторону боя, попираемый ногами труп, глубоко плевать! Всего лишь простейшее упражнение, и не более того. Итак, на счет «три»... раз, два, три...

Минутой спустя Лика уже лежала на спине, глядя в высокое небо, замаранное несколькими дымными шлейфами. Она выбралась из бетонной ловушки, но не выбралась из всей передраги в целом, а значит, расслабляться рано. И мысли о горячем душе и чистой одежде не просто глупые, а откровенно предательские. Рядом идет бой, и ее в любой момент могут убить. Наткнется на нее какой-нибудь вояка из числа солдат Корпорации, да и пальнет в упор, не разбираясь. Ведь на ней, как ни крути, пусть и грязная, но форма космодесанта правительственных войск, которая среди местных инсургентов как-то не слишком в ходу! Или взрыв подрубит вот эту полуразрушенную стену да и похоронит девушку под обломками. Правда, кое-чем за свое освобождение Лика все-таки заплатила – перелезая через край желоба, она ухитрилась утопить собственный комм, ремешок которого растянулся, когда она слишком сильно прижала руку к бетону. Не большая потеря в данной ситуации, но все ж обидно. В принципе, Лика могла бы его подхватить, однако тогда она неминуемо соскользнула бы вниз, и не факт, что еехватило бы еще на один подъем. Кряхтя,

она встала на колени и подползла к стене, осторожно выглянув наружу. Бой шел уже почти в километре отсюда, стремительно приближаясь к крайним домам городка. Кстати, странно – Бобровичус об этом не упоминал, а у Чебатурина она сама ничего не спрашивала из соображений «как бы не догадался», но где же вторая волна высадки? Где основной эшелон десанта с тяжелой техникой и модулями непосредственной огневой поддержки? Высадившихся первыми что, бросили без помощи? Нет, десантники все еще продвигаются вперед, тесня обороняющихся и расширяя границы захваченного плацдарма, но даже Ликиных поверхностных познаний в тактике боя хватало, чтобы понять – оперативный (так это, кажется, называется?) успех нужно развивать. Вот только сил и средств для этого она в упор не видела. Или видела? Над головой прошло звено штурмовиков, и целый район пригорода, и без того почти полностью разрушенный, исчез в огненной круговерти. Лика выхватила камеру, успев заснять второй заход «аллигаторов». Прекрасные кадры, это вам не снимки с орбиты, не пляшущая картинка с нашлемной камеры! Теперь запечатлим их собственное прикрытие. Она увеличила приближение, снимая в вышине стремительные серебристые тени атмосферных истребителей, защищавших атакующие штурмовики от вражеской авиации ПВО. Так, а это у нас что? Девушка опустила камеру, убрала увеличение. На перепаханное взрывали, усеянное обломками и расщепленными стволами деревьев поле, еще недавно бывшее уютным пригородным парком, спускалось сразу несколько тяжелых десантных челноков. Неужели вторая волна? Ура! Так, снимаем высадку...

Но никакой высадки не было, вот только она слишком поздно это поняла. Опускались десантные аппарели, но изнутри не спешили вырваться на оперативный простор мощные БМД, бронетранспортеры и системы залпового огня переднего края. Челноки никого не высаживали, они прилетели, чтобы забрать уцелевших. И штурмовые «аллигаторы» вовсе не поддерживали огнем десантников, как решила девушка вначале: они ставили барраж, отсекая от своих противника. Все было точь-в-точь как в учебном фильме «Амбаркация[1 - Амбаркация (от франц. *embarquement* – погрузка, посадка) – погрузка войск и воинских принадлежностей на корабли (суда) с целью доставки в назначенное место. В данном случае подразумевается эвакуация космического десанта с поверхности планеты. Расшифровку некоторых других технических терминов, используемых в книге, можно найти в ее конце, в глоссарии, подготовленном авторами.] сил и средств космического десанта на корабли под прикрытием штурмовой атмосферной авиации», который она как-то смотрела вместе с Чебатуриным. Как сказал тогда Сергей (фраза отчего-то запала в память): «Профессионал, Ликусь, – это не тот, кто всегда побеждает, а тот, кто умеет грамотно проигрывать; кто даже эвакуацию проводит как по нотам и без лишних

потерь!» Вот и сейчас все шло именно так, «как по нотам»: на последнем заходе штурмовики поставили дымовую завесу и ушли. Десант начал грузиться, и Бачинина неожиданно поняла, что спасшихся достаточно много: потери оказались не такими большими, как ей показалось вначале, кроме того, она застала лишь финальную часть боя, поскольку отделение Бобровичуса высаживалось в числе последних. Над пригородом пронесли несколько истребителей, в задачу которых входила безопасность взлетающих модулей – так сказать, приняли эстафету у тех, кто перед тем прикрывал штурмовики. Эти юркие легкие машины, способные одинаково эффективно вести бой и в космосе, и в атмосфере, назывались «Акулами» – или «шарками» на флотском жаргоне. Последнее девушка знала совершенно точно, причем вовсе не из какой-то особой любви к атмосферно-пространственному крылу или его пилотам. Просто на одной из таких машин уже не первый год воевала ее родная сестра Лидка, непоседливая сеструшка-хитрюшка Белка из ее такого далекого детства...

Воспоминания о сестре отвлекли Лику от разворачивающегося перед ней действия. Вот будет здорово, если в одном из истребителей сейчас и вправду окажется Лидка! Конечно, ее авиаполк приписан к другому кораблю, но группировка-то одна, так что подобное вполне может быть. Старшая сестра эвакуируется после провалившейся высадки, а младшая ее прикрывает! Каков пассаж, а? Хотя насчет именно «провалившейся» Лика не стала бы утверждать столь однозначно. Возможно, это была операция прикрытия, отвлекающая противника от настоящей высадки, или разведка боем, еще и в двадцать третьем веке зачастую остававшаяся единственным реальным способом прощупать оборону врага...

Лика замерла, не додумав последнюю мысль до конца. ЭВАКУИРУЕТСЯ?! Она – эвакуируется? А как, простите, она может эвакуироваться, если модули уже поднимают аппарели, а до них почти километр перепаханного взрывами поля?! И у нее ни связи, ни завалящего фальшфейера или просто сигнальной ракеты! Хотя... Девушка взглянула на лежащего в нескольких метрах ефрейтора. «Скорее!» – подстегнула себя Лика, пригнувшись, преодолевая разделяющее их расстояние. Жаль, передатчиком не воспользуешься, наверняка разбит. Да и вообще: представив, как она снимает простреленный шлем, пытаясь добраться до радиогарнитуры, Лика снова ощутила короткий спазм в желудке. А вот что-нибудь сигнальное... С трудом перевернув неожиданно тяжелое тело на спину и стараясь не смотреть в лицо, она торопливо обыскала кармашки разгрузочного жилета, надетого поверх бронекомплекта. Запасные магазины, несколько гранат, резервный медикит, фонарик, боевой нож... много всего. Кроме, ясное дело, того, что ей сейчас нужно!

Лика бросилась обратно, выглянула из-за разрушенной стены. Модули уже начали взлет, на земле оставались лишь два из них, да и те с задраенными грузовыми люками. Последних десантников, не то отставших, не то из группы прикрытия, товарищи втаскивали под руки через боковые двери. Все, опоздала, когда закроют последний люк, ее уже никто не услышит и не увидит. Сидела, идиотка, столько времени с камерой игралась, экстремалка, репортерша недоделанная! Если б сразу к ним рванула, может, и успела. Если бы, конечно, добежала. Как говорил покойный Коля: «У нас тут немножечко война». Но уж лучше пулю по пути к своим, чем сдохнуть в плену.

Съехав спиной по шершавым камням, Лика устало опустилась на землю. Ладно, что уж теперь... Еще и сидеть неудобно, пистолет этот дурацкий в бок давит! Пистолет!!! Она вскочила на ноги, лихорадочно выдергивая из-под ремня «штайр». Далековато, конечно, да и укрытие свое окончательно рассекретит, ну а вдруг заметят? Она вылезла на самый верх кирпичной груды и, подняв над головой руку с пистолетом, нажала на спуск: БАХ! БА-БАХ! БАХ! И еще одну серию «один – два – один». Башенка автоматической «спарки» на крыше ближайшего модуля развернулась в ее сторону, и Лика едва успела спрыгнуть вниз, прежде чем короткая очередь превратила верх разрушенного забора в облачко кирпичной пыли. Девушка отползла в сторону и снова выглянула. Обстрелявший ее челнок как ни в чем не бывало взлетал, оружие уже смотрело в другую сторону. Самым обидным, как ни странно, казалось то, что обстрелял ее даже не человек, а бортовой компьютер, расценивший выстрелы как гипотетическую угрозу. Лика автоматически подобрала запорошенную пылью камеру, легла на землю и, сжавшись в комочек, тихонько заплакала.

То ли от обиды, то ли просто над своей несчастной судьбой...

2

Лидка

Можно ли описать бой в космосе? Наверное, можно, если ты не сидишь в кабине истребителя, а наблюдаешь откуда-нибудь со стороны, например из рубки корабля или орбитальной платформы. Говорят, бои в пространстве смотрятся

очень красиво. Однако командиру звена старшему лейтенанту Лидии Бачиной, позывной Бешеная Белка, было трудновато это себе представить. Хотя бы по той причине, что как-то ни разу не довелось находиться во время боя нигде, кроме как за штурвалом своей «Акулы», а оттуда не очень-то порассматриваешь окружающее.

Маневр уклонения, привычные тиски перегрузки, вдавливающей тело в эргономичные объятия пилотского ложементы, и короткая, уже неопасная вспышка справа по борту... пронесло, промазал, гад! Жаль, и она его тоже не достанет, далеко ушел, а вот второго из боевой пары еще можно попробовать завалить. Марка прицельно-навигационной системы заскользила по голоэкрану, стремительно приближаясь к отметке цели. Все, есть совмещение! Не дожидаясь, пока марка изменит цвет (ведь бортовой компьютер противника сейчас всю сигнализирует об опасности!), Лидка нажала на гашетку, и вражеский истребитель рассыпался гирляндой елочных огней.

– А вот хрен тебе! – с удовольствием сообщила она в адрес вражеского пилота. И мысленно сплюнула через левое плечо. Так, на всякий случай. А случаи, как известно, разные бывают: тактический экран внезапно полыхнул тревожно-алым – «Акула» Бачиной тоже попала в чей-то прицел. Ага, прямо сейчас, разогнались! Девушка с таким ускорением швырнула истребитель в сторону, что на миг показалось, будто она умерла и чудовищный пресс перегрузки, с которой не способны справиться никакие компенсаторы, превратил ее тело в кровавую кашу, запаянную в оболочку высотного костюма. Завешенная робким облачным муаром планета завертелась над и под ней с немыслимой скоростью. Однако обошлось, машина благополучно завершила маневр и легла в разворот. И тут же бортовой компьютер захватил еще одну цель, мгновением позже исчезнувшую в огненном росчерке взрыва: реакция у Лидки всегда была отменной. И в училище, и во время тренировок на симуляторе, и в бою. Все, спекся, красавчик, отлетал свое.

«А ведь неплохо для начала! – азартно подумала девушка. – Два за три минуты. Так, глядишь, свой же рекорд побью». И – будто сглазила: отметки вражеских истребителей начали одна за другой исчезать с тактического экрана. Подобного Лидка еще никогда не видела. Первой ее мыслью стало, что это ошибка бортовой сети – чего, конечно же, просто не могло быть. Многократно продублированная БС – это, по сути, и есть сам истребитель. Управление двигателями, вооружением, системами жизнеобеспечения, навигации и внешнего обзора – все это находится в полном и единоличном ведении

виртуальной сети, и, выйди она из строя, «Акула» мгновенно превратится в неуправляемый болид, по инерции несущийся в пространстве. Неужели противник каким-то неведомым образом научился устанавливать на своих истребителях «прыжковые» двигатели?! Но это еще большая глупость: самый крохотный из существующих гиперпространственных приводов размерами превосходит трехэтажный дом. И весит, как вся их эскадрилья, вместе взятая. А иначе никак: за возможность пробивать «воронку» в подпространство нужно чем-то платить, как минимум – величиной генератора и затрачиваемой на каждое «погружение» энергией. Впрочем, ладно, пусть над этим командование с радиотехниками из восьмой «бэ-че» голову ломает, благо, наверняка видят все то же самое. Да и бортовой регистратор исправно передает им телеметрию, дублируя запись на локальный роум «черного ящика». Короче, не ее это дело. Ее дело – убедиться, что атака противника отбита, поймать привязной посадочный сигнал и благополучно вернуться на корабль. А уж там...

– Белка, Тореадора подбили, и он пошел на вынужденную, – не давая закончить мысль, раздался в шлеме спокойный голос Кокона.

Тореадор был позывным Романа, командира ее эскадрильи... и не только командира, но и... Нет, не может быть! «Я спускаюсь», – хотела крикнуть Лидка, но услышала:

– Приказываю спуститься и подобрать «Тореадора».

– Есть! – четко отрапортовалась Лидка. И, отключив связь, едва слышно шепнула «спасибо». Незачем подобное вслух говорить.

– Ты что, с ума сошел?! – Командир большого десантного корабля «Крым», каперанг Хайнц Баумгартнер, чуть было не схватил «кап-два» Николая Спаржева за грудки: – Одного из молодых сожгли, Колбаска еле до шлюза дотянул, Тореадора подбили, а он, между прочим, комэск! А Белка, если забыл, его заместитель. С кем ты остаешься, с кем? Если сейчас эти вон, – он неопределенно дернул головой, – вернутся, что мы будем делать? Бачинина и Самарин – самые опытные пилоты в группировке!

– Вот именно поэтому. Такими пилотами, как Тореадор, не разбрасываются, – сухо отрезал командир БЧ-7. С одной стороны, он понимал, что командир прав, но с другой – был твердо уверен, что и сам тоже прав. И в том, что уже сказал

ему, и в том, что осталось недосказанным. Он просто не мог поступить иначе, не мог – и все. И как офицер, и как человек...

– Роман пилот опытный, более чем опытный, и раз он ушел в атмосферу, значит, не настолько поврежден, чтобы в ней сгореть! Так что у нашей Бешеной есть все шансы его спасти, – говоривший с удивлением посмотрел на собеседника, на лице которого была написана жалость. К кому? К сбитому Тореадору? Или к Лидке, Бешеной Белке? Или к нему самому? Бред какой-то!..

Хайнц, опустив глаза, смущенно кашлянул и, похлопав командира АКУГ[2 - АКУГ – атмосферно-космическая ударная группа (группировка); на кораблях подобного класса в состав БЧ-7 (атмосферная и пространственная авиация) входят не только истребители-перехватчики прикрытия, но и штурмовые модули, и десантные либо спасательные челноки, что сделано из соображений удобства обслуживания и снабжения. Поскольку десантные и спасательные модули обслуживают в основном флотский космодесант, они лишь числятся в этой БЧ, на самом деле находясь в оперативном управлении 1-го зама командира корабля или начштаба. Впрочем, во время проведения боевой операции с участием и атмосферной, и космической авиации, и десантной техники командование осуществляет кто-то один, как правило – непосредственный командир всей БЧ.] по плечу, ушел. На самом деле он просто не знал, какое решение сам бы принял в подобной ситуации. Но, слава богу, пока ударной авиагруппой и всей «седьмой бэ-че» командует не он, ему и не придется их принимать, эти решения...

Лидка плавно вошла в атмосферу. Похоже, пока все в норме – ее не засекли при прохождении верхних слоев, да и сейчас голоэкран светился ровным салатovým светом, не спеша вычерчивать азимуты на вражеские радары. Девушка бросила взгляд на заработавший альтиметр. Семь тысяч метров, шесть, пять. Машину хорошенько тряхнуло – это не страшно, всего лишь воздушная яма. Пожалуй, пора начинать торможение. Серьезных возвышенностей внизу, конечно, нет, но осторожность не помешает. Три тысячи, две. Теперь бы еще выбрать подходящее место для посадки. Вон та окруженная лесом зеленая проплешина вполне подойдет. Правда, на опушке виднеется какой-то дом, даже, скорее, целая усадьба, что означает нежелательный контакт с местным населением, но делать нечего: сигнал аварийного маяка упавшего истребителя шел именно из этого района, плюс-минус несколько километров по пеленгу. Значит, нужно садиться. Гравитационные двигатели послушно изменили вектор тяги, гася

инерцию скользящей по посадочной глиссаде пятнадцатитонной машины. Ниже, еще ниже... Лидка коснулась соответствующей клавиши, выпуская опорные стойки шасси. И тут же в углу голоэкрана замигало тревожное предупреждение: правая задняя «точка» не встала на стопор. Ничего ж себе подарочек! Заклинило? Повреждено? И что теперь делать? Катапультироваться? Без проблем, снабженная антигравом спускапула может отделиться, даже когда машина стоит на грунте, но ведь им с Романом, буде она его найдет, еще надо на чем-то выбираться с планеты. Да и машинку жалко, что ж она за пилот, если при первой же опасности бросит в беде верную «Акулу»?! Нет, надо сажать. Но как? Раньше ей приходилось сажать истребитель «на брюхо» только в ангаре, но там были антигравитационные и магнитные финишеры и целая бригада техников. Что ж, значит, пришла пора проделать это и в полевых условиях. Так, убираем шасси – на двух точках машина все равно не устоит, – сбрасываем скорость и зависаем, медленно опуская истребитель. Вот все хорошо в «шарке», но конструкторы отчего-то совершенно не предусмотрели, что иногда пилоту необходимо видеть и то, что происходит под брюхом! Десять метров, пять... касание. Виртуальная сеть равнодушно ретранслировала в гермошлем донесшийся снаружи отчетливый хруст, да такой, что девушка даже вздрогнула: ну не могла она настолько повредить машину, никак не могла! Неужели разрушился один из расположенных под фюзеляжем оружейных контейнеров?

Лидка нащупала разъем, соединяющий высотный костюм с бортсетью, разомкнула. Tактический голоэкран, прощально мигнув напоследок, погас. Теперь она сидела внутри абсолютно глухого бронированного кокона, в случае опасности превращающегося в спасательную капсулу – времена, когда пилоты наблюдали за ходом боя сквозь выступающие за пределы фюзеляжа прозрачные фонари из стекла или бронепластика, давно канули в Лету. Слишком велики стали скорости, слишком огромны действующие на корпус нагрузки. При свете аварийной панельки девушка нажала клавишу внешнего замка, и бронекупол бесшумно уехал назад, полностью скрывшись в корпусе. Стянув шлем, она вылезла из кабины – прыгать пришлось метров с двух: даже лежащий на брюхе «шарк» был довольно высок – и огляделась. Истребитель ровно стоял на земле, оба его подфюзеляжных контейнера были целы, лишь обильно заляпаны какими-то зеленовато-белыми влажными ошметками. С подозрением приглядевшись, Бачинина не удержалась от смеха: машина застряла посреди грядок с капустой! Вот так приземление, высший пилотаж, блин! Если запись с регистратора каким-то образом попадет в бортсеть корабля (техники из obsługi авиакрыла известные хохмачи, вполне могут так пошутить), засмеют ведь!..

– Ах ты моя соковыжималочка! – отсмеявшись, Лидка нежно погладила машину по покрытому антирадарным камуфляжем боку. – Никак, капустки захотела...

Раздавшееся за спиной «ой» оказалось столь неожиданным, что резко обернувшаяся девушка едва не схватилась за оружие. Точнее, рука метнулась было к закрепленной на поясе кобуре, но вытаскивать пистолет она не стала: спешащая к ней женщина угрозы явно не представляла.

«Но скандал из-за капусты, кажется, будет», – отстраненно подумала Лидка. Ну почему у них нет никаких спецзанятий по общению с местным населением планет, вблизи которых ведутся боевые действия? Ведь у каждой дальней колонии свой десятилетиями формировавшийся менталитет, свои жизненные понятия и устои. И не суть важно, что здесь еще не было никаких войск, ни корпоративных, ни наших, – в любой момент действия могут принять наземный характер – «Новые» наносят свои удары по планетам безо всякой логики. Нет, логика наверняка есть, ее просто не может не быть, но вот в чем она, пока никто не знает. А общаться-то с людьми нужно!.. Хорошо, хоть говорит тетка понятно, на суржи, являющемся смесью старого русского и украинского. Впрочем, не будь у Лидки славянских корней – фиг бы поняла хоть слово...

Тем временем тетка, колыхая могучей грудью и не менее могучим животом, остановилась в метре от нее, с трудом переводя дух. Затем она открыла рот, и девушка услышала менее всего ожидаемый в подобной ситуации вопрос:

– Ой, бачьте, девка! Живая! Молочка хочешь?

От удивления Бачинина кивнула, хотя молоко, в принципе, ни в каком виде не любила. Через несколько минут она уже сидела за столом, с ужасом глядя на чуть ли не литровую запотевшую кружку перед собой. Тетка со странным именем Одария сидела напротив, не сводя с нее добрых и немного грустных глаз. Девушка нерешительно коснулась емкости: интересно, если она и вправду все это выпьет, сможет ли ее непривыкший организм не то что на поиски Романа отправиться, а вообще отойти хоть на десять метров от ближайшего, гм, санузла?

Как ни странно, женщина ее сомнения истолковала совершенно правильно:

– Та пей, диточка, пей, ниче не будет! То у вас там бывает, с вашим-то синтетическим молочком, а у меня оно настоящее, с-под коровки.

Лидка глубоко вздохнула и решилась. Молоко и вправду отличалось от того, к которому она привыкла. Совсем другой вкус, а вернее, оно имело вкус, и неплохой, надо сказать, вкус! Девушка от души хлебнула, по детской привычке вытерев рот рукавом.

– Та хто ж таких детей в армию-то берет? – Произнеся «кто» именно так, через мягкое «х», всплеснула руками женщина. Бачинина удивленно подняла глаза – она себя ребенком уже давно не считала, и ей казалось, что и остальные тоже воспринимают ее как взрослую...

– Так у меня пацанов двое, одному двенадцать, другому семь, тоже оба вот так рты вытирают, – со вздохом пояснила женщина, снова верно истолковав Лидкину реакцию, и сложила руки под пышной грудью. Везет же некоторым! Имеющая «условно второй» размер девушка всегда завидовала полногрудым. И всегда утешала себя тем, что скафандр и другое обмундирование как раз проще подобрать на такую, хм, плосковатую, чем на какую-нибудь грудастую деваху.

– А ты к нам по дилу какому или як?

– По делу, – непонятно почему, девушка решила вдруг быть откровенной. – Тут где-то недалеко такая же, как у меня, машинка должна была приземлиться... или упасть.

– Ой, лышенько, так то ж, наверное, товарищ твий? – женщина снова всплеснула руками. – Так мои голодранцы бачили! Покричали еще, что смотреть бегут, та й убежали. Как раз перед тем, як ты мою капустку покрошила!

– Куда побежали? – стараясь унять взбесившееся вдруг сердце, спросила Лидка.

– А туда, – женщина неопределенно махнула рукой. – Та ты обожди, они зараз вернуться, та й расскажут.

Девушка решительно покачала головой. Нет, ждать она не могла.

– Покажите мне еще раз, пожалуйста, куда именно они побежали.

– А вон в тому напрямку иди, как раз тудой и побежали. Прямо через лес и иди. Небольшой он у нас, от силы за полчаса дойдешь.

– Спасибо большое! – Лидка поднялась, вытирая влажные от стакана руки о заботливо поданное полотенце. – Ничего, если моя машинка пока у вас тут побудет?

Женщина заулыбалась.

– Ну, конечно, побудет. Иди уж, шукай друга-то, а я покуда покушать соберу, бо вы там небось, кроме тюбиков своих, другой еды-то й не видите! – И, глядя на удивленную Бачинину, пояснила: – Так муж-то мий уж десять годков стармехом на рудовозе ходить. Я ж потому кое в чому й разбираюсь.

Лидка кивнула: если на рудовозе, тогда понятно. Компании обычно стараются сэкономить на чем только можно, даже на кухонных автоматах, пичкая своих сотрудников всякой запаянной в тубы гадостью. И ведь оправдание у них, не придерешься: зачем на борту полноценный пищеблок, если гиперпрыжок вообще не занимает времени? А во время околоорбитальных маневров, загрузки или разгрузки можно и консервами перебиться...

Индивидуальный навигатор – мощная армейская модель с расширенными по сравнению с гражданским аналогом возможностями – выдавал четкий пеленг на аварийный маяк упавшего истребителя, так что сбиться с дороги девушка не боялась. Кроме того, планету, несмотря на невеликий возраст местной колонии, уже включили во всемирную навигационную сеть, и висящие на высоких орбитах спутники IPN-навигации выдавали координаты с точностью до метра. Конечно, куда проще было дождаться хозяйских пацанов, наверняка исходивших весь лес вдоль и поперек, и попросить отвести к месту посадки «шарка» Романа, но она просто не могла заставить себя ждать. Тем более что Тореадор отчего-то так и не вышел на связь: ранен? Погиб при аварии? Лежит без сознания? И это заставляло ее идти все быстрее и быстрее...

Лес был светлый, но с густым подлеском. Кроны деревьев уже украсились отдельными желтыми листьями. Интересно, что здесь, позднее лето? Или самое

начало осени? Или просто местная флора не подчиняется привычным земным законам? В училище им, конечно, давали факультативный курс ксеноботаники, однако в него в основном входило изучение лишь тех растений, что должны помочь выжить на любой планете. Кроме этого курса, Лидка знала еще названия цветов, которые мама каждую весну высаживала в палисаднике, ну и, пожалуй, могла бы отличить березу от яблони. А вот яблоню от груши – это уж увольте. Куда проще отличить бортовую электромагнитную пушку МК25/12 от МК25/12А2! А подлесок и вправду густой, и наверняка здесь водится кто-нибудь, гм, ползучий. Девушка, конечно, знала, что змеи чаще всего сами спешат убраться с дороги человека, к тому же ее пилотские ботинки были сделаны из толстого и прочного материала, никакие укусы не страшны, но все же... все же она тщательно всматривалась и вслушивалась, не шуршит ли где. Змеи вызывали у нее даже не страх – содрогание. Как-то давно, еще в детстве, Лика, старшая сестрица, возомнив себя великим педагогом, повела младшую в серпентарий: «Ты увидишь, какие они бывают хорошенькие, и перестанешь бояться! А потом я куплю тебе «Колосс». «Колоссом» называлось изготавливаемое на их планете мороженое, раза в три большего размера, чем обычные стограммовые порции. Лидке было восемь лет, и подобное лакомство ей доставалось нечасто: родители считали, что ребенку это «не полезно». Потому она и пошла в серпентарий, решив, что, когда станет совсем уж страшно, она просто закроет глаза и не будет смотреть. Страшно ей не стало; сухой шелест извивающихся, клубящихся тел вызвал совсем другую реакцию: ее стошнило. Причем с учетом того, что сперва сестра накормила сестру завтраком («Маленькие дети должны хорошо кушать по утрам»), то и убирать пришлось довольно-таки много. Сотрудники, правда, не заставляли этого делать, но Лика была чрезмерно воспитанной девочкой. Чуть позже, когда она закончила уборку и бегом выволокла сестру за пределы серпентария, ее тоже вытошнило, прямо под дерево. Лидка хорошо помнила растерянный взгляд старшей сестры и помнила, как, заговорщицки шепнув ей: «Не бойся, никто не видел», потащила растерянную Лику по аллее. И не просто по аллее, а по аллее, что вела к магазину с вожденным «Колоссом»! Но сейчас никакого «Колосса» в награду не светило, и девушка старалась быть предельно внимательной. Наконец подлесок закончился, и начался светлый, по-праздничному прозрачный сосновый бор. Под ногами слегка пружинила хвойная подушка, и казалось, что если как следует оттолкнуться, можно подпрыгнуть высоко-высоко, выше верхушек сосен. Наслаждаясь хвойным духом, Лидка дышала полной грудью. Затем и бор тоже закончился, и перед глазами открылась огромная поляна, густо поросшая невысокой изумрудно-зеленой травой и яркими цветами, сиреневыми, белыми, красными, лиловыми. И, словно главный цветок, посередине на каком-то возвышении сидел Роман Самарин. Сбитого «шарка» нигде видно не было.

– Отдыхаем? Ну, конечно, больше заняться нечем, только сидеть и цветочками любоваться, – чтобы унять невесть откуда взявшееся сердцебиение, Лидка придала своему голосу как можно больше ехидства. И сделала еще один шаг... почти сделала – резкий окрик заставил ее вернуть ногу на место.

– Белка, это болото. Трясина, – четко сказал Роман.

– А... – Вопрос никак не рождался, так что комэск успел «родить» ответ быстрее:

– Я сижу на кочке, Лида, а вокруг трясина. Настоящая. Истребитель упал метрах в тридцати отсюда, в последний момент что-то случилось с бортовой сетью, и я просто рухнул в болото. Выбрался из кабины – и едва не утонул. Сюда еле выполз, даже пистолет утопить ухитрился, так что ты не лезь, засосет моментально. «Шарк», как я понимаю, уже под водой. И связи нет – посадочка вышла довольно жесткой, так что комм приказал долго жить.

– А чего ты вообще в атмосферу полез? Бой все равно закончился, поболтался бы на орбите, пока мы тебя не подобрали.

– Не, Бачинина, никак бы не вышло. Во-первых, я уже почти неуправляемый шел, просто чудо, что спустился самостоятельно, а во-вторых, – пилот замялся, будто решая, стоит ли об этом рассказывать, – разгерметизация у меня началась, Лидка. Так что вы б меня уже свежемороженым подобрали. Вот такие дела... Ладно, так что с болотом делать-то будем?

Девушка задумчиво огляделась кругом. Ну, и что тут можно сделать? Поднять в воздух истребитель и, зависнув, взять на борт Романа? Ага, просто гениальная идея! И особенно гениальной ее сочтет сам спасаемый, оказавшийся в зоне действия гравидвигателей машины. Вплавь? Ну, если бы она хотела покончить с собой, то можно было бы попробовать, медленно так попробовать, пуская бульбы. Она неожиданно вспомнила аналогичную ситуацию, смоделированную на симуляторе, – там тоже нужно было вытащить из болота напарника. Сперва найти, отстреливаясь от злобных Чужих (интересно, не переиграл ли в виртуальные игры тот, кто писал эту идиотскую программу?), а потом вытащить. Но там было проще: она просто срезала ближайшее деревце и с его помощью вытащила попавшего в беду пилота.

– Да не переживай, Лидух! Вот сейчас возьму себя за волосы, потяну хорошенько – и как вытащусь из болота! – Роман точно знал, что Лидка знакома с приключениями барона-завирушки: эту книгу ему давала читать Лика. Но девушка особо и не переживала: недаром даже в ее личном деле была отмечена такая особенность, как «умение мобилизоваться в экстремальных ситуациях». Вот, кстати, вполне подходящее дерево, и если его наклонить... А что, есть шанс! Девушка примерилась и полезла. Комэск с интересом наблюдал за ней, по счастью, молча. Ствол скользил под ногами – кора у деревца оказалась какая-то излишне шелковистая. Ну, это не страшно, в детстве она по каким только деревьям не лазила, так что должно получиться. Деревце было молодым и гибким, даже непонятно, каким образом оно так вымахало в высоту, и быстро стало наклоняться в нужную сторону. Несколько секунд – у Лидки отчаянно колотилось сердце, отсчитывая секунды: бух, бух, бух, – и она протянула товарищу руку:

– Держись крепче, изверг!

Конечно, находишься он в самом болоте, еще неизвестно, сумела бы Лидка выдернуть Романа или нет, но Самарин сидел на единственном твердом островке, и это оказалось весьма на руку. Впрочем, расслабилась лейтенант Бачинина рано – как только капитан закинул на ствол ногу и в голове мелькнула сакраментальная мысль о том, что, мол, все, спасен! – раздался предательский хруст. Дерево оказалось все-таки слишком молоденьким, а их вес – слишком большим: особой subtilностью Роман не отличался. Лидка выдала длинное ругательство и прислушалась. Нет, вроде больше ничего не хрустит и не ломается.

– Давай-ка по одному, – сориентировался Роман, и Лидка быстро-быстро заскользила в обратном направлении.

Деревце выдержало, сломавшись лишь тогда, когда комэск уже находился в паре метров от твердой земли. Вовремя разжав руки, пилот тяжело шлепнулся на спину. В этот момент он настолько напоминал перевернутого брюхом кверху неуклюжего жука, что Лидка рассмеялась.

– Худеть надо, Самарин, – глядя сверху вниз, сообщила она. – И срочно!

– Тебе тоже! – Роман засмеялся, поднимаясь на ноги и вытирая пятерней потный лоб. Рука оказалась грязной, и через секунду парень стал похож не то на диверсанта на задании, не то на маленького домовичка из древнего детского голофильма. Точнее, на большого домовичка из древнего детского голофильма. Лидка украдкой глянула на свои руки. Так и есть: шелковистая кора окрасила ладони в идеально-коричневый цвет.

– Ну, ты и свинья, Лидух! Где успела так перемазаться-то? – Парень, ясное дело, заметил ее взгляд.

– На себя посмотри, – буркнула она, присаживаясь на корточки и стараясь отмыть руки в наполненной болотной водой ямке.

– Кстати, слушай, а что ты там такое интересное сказала? Ну, когда мы чуть с дерева не навернулись?

В космофлоте считалось особым шиком уметь «витиевато» высказываться. Эта традиция, пришедшая с флота морского и насчитывавшая несколько веков, получила довольно широкое распространение – настолько, что в последней редакции флотского Устава даже были определены различные виды наказания за «использование обценной лексики». Собственно, именно благодаря запрету умение «красиво завернуть» и ценилось столь высоко – флотские офицеры порой даже устраивали соответствующие турниры, где нужно было связать воедино как можно больше нецензурных слов, желательно еще и зарифмовав их. Каждое выступление прерывалось на первом повторе; выигрывал тот, кто мог наибольшее количество времени не повторяться. Лидка в таком состязании тоже однажды принимала участие и даже заняла третье место. Первое досталось «деду», что, в общем-то, было неудивительно: зампотех служил во флоте уже около тридцати лет. Второе занял Джакомо, и это было очень странно, поскольку умение «плести загибы» было больше присуще офицерам, имевшим славянские корни, а Джакомо всегда называл себя стопроцентным итальянцем. Романа, кстати, на корабле тогда еще не было. Лидка бросила на капитана короткий взгляд, решая, стоит ей смутиться, хотя бы ради приличия, или нет.

– Давай уж, колись, чего там.

– Малый загиб Петра Великого, – Лидка села поудобнее и откинулась назад, подставляя лицо солнцу.

– Да? Удивительно.

– Что именно удивительно? – На нее напало ленивое настроение: не хотелось вставать и куда-то идти; не хотелось думать о том, что придется возвращаться к тетке Одарии, поднимать в воздух поврежденный истребитель... – Что я знакома с флотским ненормативным фольклором?

Роман хмыкнул и покачал головой:

– Не-е. Если б я питал иллюзии по поводу того, что, отучившись в кадетском и военном, ты могла остаться той девочкой-одуванчиком из моей юности, я был бы последним придурком. А так – я только предпоследний.

– Почему «предпоследний»?! – искренне удивилась Лидка.

– Ну, потому что остается надежда, что все-таки есть кто-то придурочнее меня.

Шутка была совершенно идиотская, но они оба заржали: напряжение отпустило.

– Меня удивило то, что я знаю совсем другой вариант. Может, конечно, я плохо расслышал, но мне показалось...

– Так ты, вися на дереве, еще и прислушиваться успевал?! Ах ты... – Лидка легонько ткнула Романа кулаком под ребра, и он плюхнулся на траву:

– А повтори-ка еще раз.

Бачинина неожиданно покраснела, но деваться было некуда:

– Хорошо, я скажу, но потом ты расскажешь свой вариант.

И она принялась «рассказывать».

– Теперь твоя очередь.

Глядя на то, как щеки, уши и даже лоб Самарина тоже наливаются предательской краской, она почувствовала смесь удивления и легкого злорадства.

– Тихо!

– Что, отмазаться хочешь? Не получится, сам предложил!

– Да погоди ты...

Замолчавшая наконец девушка тоже услышала в кустах какой-то звук, как будто ветка хрустнула... Переглянувшись с пилотом, она вытащила из кобуры пистолет.

– Эй, а ну выходи!

– Тетенька, не стреляйте! То мы...

Ветви окружавших болото кустов захрустели так, будто через них на поляну ломился медведь. Или парочка медведей, точнее – медвежат. Двое мальчишек, оба в широких штанах с бесчисленным множеством карманов и в таких же широких куртках. И оба красные, как вареные раки, пожалуй, куда больше, нежели они с Романом, вместе взятые...

– Мы местные, тутошние. Как увидели, что ваша машинка до болота упала, так и побегли шукать...

– Ваша мама – тетка Одария? – догадалась Лидка.

Мальчишки наперебой закивали.

– А чего в кустах сидели, почему сразу не вышли?

Потупившиеся братья смущенно топтались и ковыряли болотистую землю носками ботинок.

– Да они наши высокохудожественные тексты послушать хотели, вот чего! Верно? – весело спросил Роман, и девушка снова покраснела. Не приведи бог, пацаны все это при матери повторяют...

– Значит, так, – строго сказала Лидка, спеша поскорее увести разговор от опасной темы, – отведите-ка нас к себе домой, а то мы, чего доброго, снова заблудимся.

– Нет, сперва я хочу на свою машину посмотреть, – Роман покачал головой.

– А машина ваша в болоте потопла! – радостно сообщил младший из мальчишек. – У нас тут кругом болота! Вот вас тетенька вытащила, а леталку вытащить уж никак не получится.

Ребятишки оказались правы – без специальной инженерной техники «шарк» вытащить бы не удалось. Над поверхностью воды, уже успевшей подернуться потревоженной падением ряской, торчал лишь атмосферный киль да кусок кормы – остальное скрылось в глубине. Роман долго смотрел на истребитель, лицо у него при этом было каменное. Девушка его хорошо понимала: каждый из них относится к своей машине как к одушевленному существу; каждый разговаривает с ней, даже не будучи интегрированным в бортовую сеть, а уж во время вылета, когда компьютер «Акулы» и мозг пилота составляют чуть ли не единое целое...

– Прощай, рыбка.

Лидка незаметно взглянула в лицо товарища: до этого момента она ни разу не слышала, как он называл свой истребитель.

– Дядька, а чому вы зовете его «рыбкой»? – поинтересовался младший мальчик, но старший слегка ткнул его в бок: дескать, не приставай, однако ребенок продолжал в упор смотреть на Романа, и тот ответил:

– Ну, истребитель называется «Акула», значит, рыба... а ласково получается «рыбка»...

– А! – Пацан просиял, будто ему открыли какой-то очень важный секрет, и запрыгал вперед – то на одной ноге, то на другой. Старший же солидно вышагивал рядом с ними, рассказывая о своем отце, который «тоже пилот, не военный, конечно, но очень классный пилот». И о коллекции камушков, которые отец привозит ему с других планет, и о том, что ему очень хотелось бы получить камушек с Шри-Ли – говорят, там очень красивые светящиеся синие камни, но туда сейчас все рейсы, даже грузовые, отменены, потому что ее могут захватить войска Корпорации...

До дома тетки Одари и идти оказалось совсем недалеко, гораздо ближе, чем показалось Лидке сперва, – ребяташки повели их какой-то короткой, одним им известной дорогой.

– Так то ж вы неправильно йшли, – охотно пояснил младший мальчик с экзотическим именем Раджи. Нет, конечно, в самом имени ничего странного не было, просто оно не слишком-то подходило светловолосому конопатому пацану с круглой хитрой мордашкой и акцентом, по которому легко угадывались украинские корни. Старший брат, сокращенно называющийся Панька, полное имя имел, пожалуй, еще более экзотическое – Опанас-Сальвадор. Впрочем, он-то как раз лицом больше походил на Сальвадора, чем на Опанаса.

Первым делом пилоты отправились осмотреть истребитель. Как и надеялась Лидка, ничего страшного с машиной не произошло, процентов девяносто, что взлететь и добраться до базы она сможет самостоятельно. Конечно, кому-то из них полет вряд ли покажется приятным времяпрепровождением: кабина рассчитана на одного, но выбирать не приходилось, тем более что за несколько лет войны пилоты уже не раз проделывали подобные фокусы. Девушка вызвала корабль, доложив об успешном спасении капитана Самарина, и запросила данные по стартовому окну для подъема на орбиту. Ответ «Кокона» ее несколько удивил: им приказали оставаться на месте, ожидая эвакуации. Пожав плечами и убедившись, что аварийный маяк «шарка» надежно пеленгуется с корабля, Бачинина отключилась.

Забрали их только через час. Впрочем, это было едва ли не самое лучшее (и наверняка самое необычное) в их жизни ожидание эвакуации, поскольку тетка Одария, упрямо не пожелав слушать никаких возражений, до отвала накормила «отважных летунов». Хмурый Тутукумбе, прилетевший за ними на учебно-тренировочной «спарке», с выражением полного ужаса на лице от предложенной еды отказался. Заметив его перекошенную физиономию, тетка

Одария и сама испугалась, так что Лидке пришлось шепотом «пояснить», что двухметровый темнокожий великан относится к некой древней секте, членам которой запрещено есть «все, с чем можно разговаривать». А заодно – тут девушку уже слегка понесло – носить все, что «без спросу отнято у живых существ».

– Ой, лышенько, а как же ж он живет-то? – Эмоциональный пассаж Одарии не остался не замеченным Тутукумбе. Пилот подозрительно покосился на едва сдерживающую смех Лидку.

– А я и сама не знаю, – таинственно шепнула она. – Питается какими-то листиками, синтетическое мясо тоже не ест, боится, что его как-нибудь обманут и подсунут настоящее. Но силы ему не занимать, сами ж видите.

Тетка Одария снова покосилась на литую фигуру Тутукумбе и забежала по комнате, что-то собирая в одноразовый контейнер-холодильник:

– Тут пирожки з капустой, так шо вашему бедолаге тоже кушать можно, тесто-то на крепсовом масле, ничего животного и нету, та грибки соленые...

– Да нас нормально кормят, что вы! И за ним следят, витамины там всякие, питательные смеси...

– Ничего нет полезнее обычной домашней еды! – безапелляционно отрезала женщина, силой впихнув коробку в руки Лидки. Роман за ее спиной давился от смеха.

– Тетя Лида, прилетайте к нам в гости, когда война закончится! – закричали на прощание мальчишки. – И дядьку Романа своего берить!

Покраснев при упоминании «своего дядьки Романа», Лидка помахала им рукой, залезая в кабину родного «шарка» – Романа забрал Тутукумбе. В принципе, на «утенке», как звали двухместную «Акулу-бис» из-за индекса УТИ, должны были лететь как раз они с Романом, но девушка, ясное дело, воспротивилась, почти без мата объяснив товарищам, что свой истребитель никому не отдаст.

Темнокожий гигант достаточно долго служил в ее эскадрилье, чтобы понимать: по этому поводу спорить бесполезно. Да и взлетела она без проблем, разве что зацепила закраиной оружейного контейнера почву, и теперь сильно

подозревала, что принесет в ангар пару килограммов перемолотой в кашу свежемороженой капусты. Нет, точно засмеют...

Потом она вспомнила замерших на краю испохабленного огорода мальчишек и переключилась на мысли о войне; вернее, о том, когда она, эта война, закончится. И будет ли, куда прилететь в гости? Или эта маленькая, почти не заселенная, но такая гостеприимная планетка, названия которой она даже не запомнила, тоже станет жертвой войск Корпорации? И по ней прокатится чудовищный и опустошающий каток войны, вовсе не разбирающий, где свои, где чужие?

3

Лика

...Лика медленно подняла заплаканное лицо. Поревела? Ну и ладно, хорошего, как говорится, понемногу. Да, ее забыли. Не «бросили», а именно «забыли» – отчасти по ее же собственной вине. А возможно, и вовсе сочли погибшей. Девушка хорошо представляла, как происходит обмен данными между рядовыми десантниками и командованием. В тот момент, когда с тактического экрана Бобровичуса исчезла отметка ефрейтора, ее тоже вполне могли посчитать мертвой, поскольку в шлеме Лики была отключена не только радиосвязь, но и встроенный маяк – совершенно, между прочим, неправильно! Надо будет пожаловаться Чебатуруну... ну, если вернется живой, конечно. Нет, Андреас-то о ней помнил и никогда б не бросил, в этом Лика несколько не сомневалась, но это в том случае, если он сам уцелел. А если нет, если он погиб, ранен или контужен... И кто тогда знает, что с ними выбрасывалась какая-то там журналистка? Пусть даже и любимая женщина контр-адмирала? Официально-то она осталась на корабле, где ее уже наверняка ищет злой-презлой Сергей Геннадиевич...

Впрочем, ладно. Была ли это разведка боем, отвлекающая операция или неудавшаяся высадка, сейчас не суть важно. В любом случае вскоре грядет – или уже где-то происходит – вторая попытка, поскольку орбитальная оборона подавлена еще несколько дней назад, с поверхности планеты не может взлететь ни один вражеский челнок, а любой радиообмен жестко контролируется и

глушится флотскими системами РЭБ. А значит, дни, а то и часы до окончательного освобождения планеты от противника сочтены – Вторая ударная не может вечно висеть в этой системе, непонятно чего ожидая. Так что Лику спасут, наверняка спасут! Но пока этого не произошло, ей надо что-то делать, например спрятаться. Вот только... Лика скептически оглядела себя: бронекомплект заляпан отвратительными пятнами, камуфляжный комбез под ним насквозь промок и, мягко говоря, дурно пахнет, в ботинках хлюпает, волосы под забрызганным кровью шлемом пропотели и спутались... в таком виде только и попадаться на глаза местным! Это не говоря о том, что здесь никто не ходит в подобной экипировке, да еще и с шевроном Космического десанта федеральных войск на рукаве! Ну, прямо те самые умные рязанские глаза и парашют за спиной из старого-престарого папиного анекдота, смысла которого она, честно говоря, никогда не понимала...

С другой стороны, если переодеться и хотя бы немного отмыться, то спрятаться не составит особого труда. Лика хорошо представляла, что сейчас творится в зоне боевых действий. Обезумевшие беженцы, в основном женщины с орущими детьми на руках и старики в киберкаталках, разрушенная инфраструктура, полный хаос в государственном управлении и неорганизованные ополченцы, скорее по инерции, нежели на самом деле именующие себя «регулярными частями войск Корпорации». Поскольку все более-менее подготовленные их войска (за исключением разве что отдельных флотских подразделений и элитного Золотого Легиона МФК) Космодесант с колониальной пехотой повыбили еще к исходу второго года войны. Правда, вот только что эти самые «неорганизованные ополченцы» весьма успешно заставили десантников умыться кровью, но это скорее вопрос к организаторам обороны и спланировавшему высадку штабу. Даже в условиях, когда Флот полностью контролирует орбитальную обстановку, дела на поверхности не всегда идут гладко. Можно, конечно, начисто выжечь район высадки орбитальным ударом, но что это даст? Десяток километров радиоактивной пустыни на месте города – и многолетнюю, прочно укоренившуюся в душах ненависть всего населения планеты, которое, между прочим, по-прежнему числится гражданами Земной Федерации, «находящимися на временно оккупированных территориях». Вот и приходится воевать по старинке, как и сотни лет назад платя за каждый освобожденный городок каждой освобожденной планеты сотнями, а то и тысячами солдатских жизней – и с той и с другой стороны...

Но спрятаться, хоть на время раствориться в этой людской реке можно. И именно это Лика и собирается сделать. С этой мыслью она побрела вперед, в сторону ближайших развалин. Правда, сначала она еще раз наведлась к

погибшему провожатому, прихватив с собой пару замеченных ранее обойм к «штайру» и запасную аптечку – на войне, как на войне. Коле все это уже ни к чему, а ей, возможно, спасет жизнь.

Шла она медленно, не особо задумываясь, куда именно идет. Все равно куда, главное – идти. Идти, чтобы просто выбраться из этого ада. Несколько раз Лика натыкалась на останки, дважды это были десантники и трижды – их противники. На обезображенные тела или, вернее, то, что еще совсем недавно было человеческими телами, девушка старалась не смотреть: оборонявшиеся использовали в основном плазменное оружие, наступавшие – штурмовые спецпатроны. И то и другое оставляло после себя не тела как таковые – фрагменты... Обгорелые, разорванные, вонявшие жутким сладковатым запахом горелого человеческого мяса. Искать здесь живых было бесполезно. Ее снова замутило, однако она, зло посмеиваясь над собой, дотерпела до ближайшего куста. Вот же идиотская человеческая привычка – блевать обязательно под кустом или стеной! Можно подумать, для нее самой и окружающих это имеет хоть какое-то значение. Сильно заболел желудок – рвало ее одной желчью, но Лика упрямо продолжала идти, стараясь, чтобы ее перемещения остались незамеченными.

А затем она нашла Бобровичуса. Сержант лежал лицом вниз, и она наверняка прошла бы мимо, не рассмотрев на рукаве знакомую нашивку – пронзенный стрелой череп. Это был знак его взвода (маленькая вольность, на которую испокон веков закрывали глаза командиры), и Лика остановилась. Остановилась – и подошла ближе, уже зная, кого увидит. Андреасу повезло, если, конечно, этот термин вообще применим в данной ситуации – ему достался не плазменный импульс, а «всего лишь» выпущенная из электромагнитной винтовки пуля, навывлет пробившая бронекompлект и оставившая на спине кровавую воронку, обрамленную вывороченными наружу пластинами брони. Что ж, по крайней мере, будет, что хоронить. Судорожно сглотнув, Лика поспешила перевернуть его лицом вверх. Парень спокойно глядел в небо своими серыми глазами, и ей пришлось сделать усилие, заставив себя закрыть их ладонью. Что ж, вот и ответ, отчего ее не искали! Андреас погиб, а кроме него и ефрейтора, вряд ли кто озаботился бы ее судьбой. Минутой позже – девушка не смогла вот так просто взять и уйти, оставив старого знакомого, – журналистка поняла, что показалось ей странным. Командирский шлем Бобровичуса слетел при падении и валялся в метре от тела, именно поэтому она и видела его глаза. Обруч радиогарнитуры так и остался на голове, и Лика, пребывая в какой-то странной прострации, стянула его, вместе с крохотной коробочкой передатчика спрятав в карман. Пригодится? Кто его знает, может, и пригодится, раз уж свой комм ухитрилась

утопить. Там посмотрим.

Она медленно поднялась на ноги, собираясь двигаться дальше. Однако прошла лишь метров тридцать – размытая водой почва под ногой поползла, и девушка остановилась. Перед ней возвышались руины одноэтажного дома, в который совсем недавно попало нечто взрывоопасное из арсенала приснопамятных штурмовых модулей. Взрыв оставил от строения лишь коробку из двух стен и просевшую до самой земли крышу, однако внимание девушки привлекло отнюдь не это. Из торчавших из полуразрушенной стены труб жизнерадостно струилась вода – судя по остаткам кафеля и разбитой душевой кабине, здесь некогда располагалась ванная. Вода! Убедившись, что ничего опасного поблизости не наблюдается, Лика рванулась вперед. Сбросив в угол бронекompлект и аккуратно сложив на относительно сухом участке уцелевшего пола нехитрые пожитки, она влезла под рукотворный водопад, мечтая не столько о том, чтобы остаться незамеченной, сколько о том, чтобы автоматика местной станции не перекрыла воду. Спустя минуту Лика уже остервенело мылась, сдирая с себя зловонные воспоминания о пребывании в канализационном коллекторе. Когда, спустя десять минут, она выбралась наружу, из всей экипировки на ней осталась лишь мокрая черная футболка да камуфляжные штаны трудноопределяемой принадлежности: мало ли, кто и что носит на этой планете? Наверняка ведь здесь располагались какие-нибудь армейские склады, благополучно разграбленные еще в первые дни мятежа. А значит, и военное имущество должно быть достаточно широко распространено среди населения – обычное дело, чего уж там. Злорадно хмыкнув (настроение после купания заметно улучшилось), Лика обильно перемазала брюки глиной – попробуй теперь определи, что это был за камуфляж, то ли заношенный федеральный, то ли просто грязно-местный! Распихав по карманам запасные обоймы и аптечку (свой медикит, до того штатно закрепленный на внутренней поверхности плеча, сняла, укрепив на бедре под брючиной), засунула пистолет под ремень на животе и прикрыла выпущенной наружу футболкой. Вроде нормально, при беглом осмотре незаметно, а серьезного обыска ей все равно допускать никак нельзя, тогда уж лучше сразу пулю в лоб. Несколько секунд размышляла, что делать с камерой. С одной стороны, репортеры обеих воюющих сторон пользуются журналистской неприкосновенностью и охраняются кучей статей международных соглашений, но с другой – их братию на войне не слишком-то жалуют. Если поймут и обнаружат при ней камеру с записью боя, как минимум изнасилуют в назидание, а как максимум тут же и пристрелят. Так, на всякий случай. Журналисты ведь, чего греха таить, почти всегда работают на разведку – можно подумать, если бы не их с Сергеем отношения, Лику бы эта участь миновала! Работала бы как миленькая, делала, чего скажут, иначе и близко к

десантному челноку не подпустили бы. Но камеру с собой тащить в любом случае не стоит. Лика вытащила и спрятала поглубже в карман заполненную едва ли на четверть матрицу памяти, а камеру, широко размахнувшись, безо всякого сожаления разбила о ближайшую стену.

Перед тем как уйти, запихала в душевую кабину сброшенную броню – пока внутрь не залезешь, вряд ли найдешь, а внутрь в ближайшее время вряд ли кто полезет. Ну, а когда найдут, она в любом случае будет уже далеко. Все, можно идти, и, желательно, подальше от города. Нет, с одной стороны, в руинах проще спрятаться, но с другой – город небольшой, скорее даже не город, а крупный поселок городского типа, где все в той или иной мере друг друга знают. А значит, шансы, что рано или поздно кто-то задастся вопросом «кто она такая?», достаточно высоки. Озлобленные, потерявшие кров, а то и родных люди зачастую более внимательны к мелочам. Да и местные власти наверняка попытаются навести хоть какое-то подобие порядка, что ей тоже совершенно ни к чему. Отсутствие документов еще можно как-то объяснить, но вот непривычный акцент, вернее, полное незнание особенностей местного языка? Что с того, что коренное население разговаривает на всеобщем – проколоться-то можно на любом неверно произнесенном слове или неизвестном обороте речи! Вот и получается, что уходить надо в любом случае.

Первый час Лика пробиралась руинами параллельно городской черте, стремясь оставить район высадки как можно дальше за спиной, затем вышла за пределы поселения. Теперь перед ней расстилались нетронутые войной, растянувшиеся на многие километры пригородные поля, разделенные лесопосадками. Насколько девушка помнила полученные перед рейдом сведения, планета, несмотря на достаточно развитую за сотню лет колонизации промышленную инфраструктуру, оставалась преимущественно аграрной. Полезных ископаемых и производств здесь было сравнительно немного, но хорошо развитое сельское хозяйство вполне позволяло ей входить в число экономически развитых миров. Идти стало намного легче, и за следующий час Лика прошла в три раза большее расстояние. Как ни странно, за все это время она так никого и не встретила, но о том, хорошо это или плохо, даже не думала. Так прошел еще один час. День потихоньку начинал клониться к закату, и тень под ногами заметно удлинилась. Сильно хотелось есть, а еще больше – пить. Под подошвами почти полностью просохших ботинок пылила самая обычная грунтовая дорога, в точности такая же, как и в любом из сотен подобных миров, и Лика снова задалась вопросом о причинах этой идиотской войны. Вот ведь жили себе люди, города строили, поля возделывали, детей растили – и вдруг все перевернулось с ног на голову. И на их города обрушились из поднебесья штурмовые модули, и десантники стали

орошать кровью чужую для них землю, и околопланетное пространство десятков миров завесилось обломками взорванных кораблей и орбитальных платформ... Зачем? Что такого произошло? Из-за чего люди, спустя два столетия мира, вдруг снова начали с остервенением убивать друг друга? Что изменилось? Нет ответа. Вернее, он, конечно же, есть, его ищут и флотская разведка с контрразведкой, и аналитики правительственного Совбеза, и просто миллионы разбросанных по галактике людей, но...

Девушка остановилась и, в который раз облизнув пересохшие губы, огляделась. Поля закончились, началась обычная степь, казалось, абсолютно бесконечная. «Если степь, то, стало быть, где-то поблизости должно быть море, – решила Лика. – Возле степи ведь всегда море. Или не всегда? Нет, лучше уж пусть будет «всегда»!» Вот только не идет ли она параллельно берегу, не удаляясь, но и не приближаясь к нему? Блин, да какая разница, к морю она идет или от него?! Что от этого может измениться?

«Иди!» – мысленно (произносить это вслух все равно не имело смысла) прикрикнула она на себя. Усталость, не только физическая, но и психологическая, брала свое, но не ночевать же прямо тут, посреди степи, затянутой пожухлой, прибитой зноем последнего летнего месяца травой? Без еды, воды и хотя б символического крова над головой? Неожиданно Лика заметила впереди группу людей; судя по всему – женщин. Она замахала руками и вроде как закричала, однако получился ли у нее крик, так и не поняла. Одна из женщин повернулась в ее сторону и, показав пальцем остальным, тоже помахала рукой, дескать, иди быстрее к нам. Быстрее Лика уже не могла, но ее подождали. Женщин оказалось семеро, одна тащила на руках младенца, другая – узел с какими-то вещами, третья вела за руку сердитую девочку лет пяти с торчащими в сторону смешными косичками. Они что-то начали говорить, чуть ли не одновременно, но, памятуя про предательский акцент, Лика на всякий случай показала на свои уши, разведя руками и виновато улыбнувшись.

– Глухонемая? – спросила одна женщина, шевеля губами так, чтобы девушка смогла разобрать, что она говорит.

Лика отрицательно покачала головой.

– Значит, контузия, – понимающе кивнула вторая женщина, самая старшая в группе. – С нами-то пойдешь?

Девушка торопливо закивала головой, на чем короткие расспросы, к счастью, и закончились. Кто-то обнял ее за плечи, кто-то сунул в руку кусок зачерствевшего хлеба, а кто-то – пластиковую бутылку с водой. Лика с благодарностью кивнула, первым делом присосавшись к бутылке. Хлеб она оприходовала с не меньшей скоростью – кто-то из попутчиц даже жалостливо покачал головой: вон, мол, как оголодала-то! По дороге женщины почти непрерывно разговаривали, но Лика даже не пыталась разобрать, о чем именно. В целом и так понятно – о войне, а в частности? Частности ее пока не сильно и волновали. Глаза она полуприкрыла – под веками пекло, как будто там было полно песка или жгучего красного перца, которым мама всегда приправляла суп-харчо...

Брили недолго. Короткие летние сумерки быстро сменились ночью, и маленький отряд устроился на ночлег. Кто-то разжег костер, кто-то начал готовить нехитрую еду – не на костре, его развели исключительно ради тепла, а из саморазогревающихся консервов, однако Лику это нисколько не интересовало. Ей хотелось лишь одного – спать, чем она немедленно и занялась, прикорнув неподалеку от весело потрескивающего огня. Конечно, под утро наверняка станет холодно, но что делать... с этой мыслью и уснула. Немолодая, за пятьдесят, женщина, та самая, что при встрече вынесла вердикт о ее контузии, тяжело вздохнула и извлекла из своего баула плед, укрыв им девушку. Лика заворочалась, сворачиваясь клубочком, но так и не проснулась. Долгий день наконец закончился...

Будить Лику не пришлось: проснулась она сама, от холода. Солнце уже поднялось над горизонтом, однако успевший за ночь окутать окружающие курганы туман еще не растаял. Плед, которым укрыл ее кто-то из женщин, ощутимо отяжелел от рассветной сырости, так что пришлось вставать. С удовольствием вдохнув полной грудью чистый утренний воздух, девушка сделала несколько разминочных упражнений и приседаний: кофе ей здесь вряд ли предложат, а взбодрить-то себя чем-то нужно! Женщины еще спали, и, оглядев их маленький степной табор, журналистка невольно грустно улыбнулась, мимоходом пожалев о выброшенной камере. Вот кого надо снимать на любой войне – людей! И не просто людей, а беженцев, вон эту спящую пятилетнюю кроху, прижавшуюся к теплему боку матери, а вовсе не бездушные картины боя. Не окровавленные и обгорелые лохмотья человеческих тел (редакторы новостных роликов все равно вырежут самые страшные кадры, так что увидеть истинную правду войны можно будет разве что в Сети), не эффектные взрывы и атаки штурмовиков, а живых людей. Простых людей,

испытавших на своей шкуре все ужасы того, что испокон веков зовется коротким и страшным словом «война». Сморгнув, Лика встряхнула головой. Вообще-то подобные мысли не были свойственны отчаянной журналистке, привыкшей безо всякого страха лезть в самое пекло, но вот сейчас, глядя на приютивших ее женщин, отчего-то навеяло. Так навеяло, что аж сердце заболело, чуть ли не впервые в жизни...

– А, проснулась, приبلуда? – подняла голову вчерашняя собеседница, очень к месту озвучившая версию о контузии. Лика с улыбкой кивнула, попутно решив, что с «режимом радиомолчания» пора заканчивать. Говорили женщины на абсолютно правильном всеобщем, а тот легкий акцент, что она заметила еще вчера, не составит никакого труда воспроизвести. В конце концов, первое время можно имитировать вызванный контузией дефект речи, а если заметят, признаться, что она не местная. Приехала в город (знать бы еще, как он хоть назывался!), попала под высадку федералов, была контужена близким взрывом. Обычное дело на войне. Вот только ее, пусть грязные, но явно военного образца камуфляжные брюки и ботинки... а, ладно, разберемся.

– Проснулась, – довольно похоже имитируя скандированную речь и гораздо громче, чем требовалось, ответила она. – Спасибо вам за вчерашнее. Это вы меня пледом укрыли?

– Тихо ты, не ори, ребенка разбудишь. Ишь, как тебя, видно, по башке-то шибануло! – замахала руками женщина. – Мой плед, мой, чей же еще. А благодарить меня не надо, все мы тут... одинаковые. Счас перекусим да дальше пойдем, к обеду должны до Родников добраться, там уж попроще будет, – без перехода сообщила она о цели их путешествия. И так же без перехода задала как раз тот вопрос, которого Лика и боялась: – Ты сама-то откуда идешь? Из города?

Журналистка осторожно кивнула.

– И как там? – Вряд ли женщина ее проверяла, скорее действительно просто хотела узнать последние новости. Лика опустила на землю рядом с собеседницей, чтобы не кричать и не будить спящую малышку:

– Плохо, штурмовики почти весь пригород в пыль разнесли. Там меня и контузило, не успела в подвал залезть.

– Ну а федералы-то что?

– Так эвакуировались, – длинное слово не очень хорошо далось имитирующей отрывистую речь Лике, – много погибло и их, и... защитников. – Она так и не сумела заставить себя произнести слово «наших». Впрочем, женщина вряд ли заметила крошечную паузу в ответе. Да и кто знает, считает ли она «своими» солдат Корпорации? Так ведь и нарваться по глупости недолго.

– Ой, беда, беда... – Женщина помолчала, тихонько качая головой. – А мы из Лесного, знаешь, где это? – Лика на всякий случай снова осторожно кивнула. – Километров двадцать от вас будет. Только мы еще до налета ушли, поскольку ученые! У нас там зенитный дивизион расквартирован, так что, сама понимаешь, наверняка по нам первым и врезали – боюсь, от села и вовсе камня на камне не осталось... Кстати, меня Марией звать, а тебя? – неожиданно сменила она тему.

– Лика, – не стала скрывать истинного имени девушка.

– Анжелика, что ль? – с чисто женским любопытством уточнила Мария. – Или Ангелина?

– Нет, именно Лика, – девушка улыбнулась. – Так родители захотели. Меня Ликой назвали, а сестренку – Лидой.

– Ясно, – снова повторила женщина, не скрываясь, зевая. – Ладно, по дороге еще поговорим, а то у меня от твоих криков уж голова разболелась. Давай-ка пока костер распалим, воду согреем, чайку с девочками попьем. А уж обедать, если повезет, в Родниках станем. Дрова-то собирать умеешь, а, городская?

Лика улыбнулась и встала. Что ж, похоже, пока все в порядке. В ее принадлежности к местным не усомнились, вон даже «городской» назвали, намекая, что, мол, белоручка. Может, и дальше повезет?..

Шли медленно, с той скоростью, с какой могла идти маленькая девочка, но отчего-то никому не пришло в голову взять ее на руки, хотя ребенку явно было нелегко. Наконец Лика не выдержала, догнала женщину, ведущую девочку за руку, и потрогала малышку за худое плечо. Та повернула сердитое личико:

нахмуренные бровки и сжатые губы выглядели довольно потешно. Ее мать – Лика уже знала, что ее зовут Агнесс, – остановилась, и девушка сделала приглашающий жест: мол, пойдешь ко мне на руки? Девочка несколько секунд размышляла, смешно склоняя голову то к одному плечу, то к другому, потом протянула ручонки. Агнесс виновато улыбнулась:

– Извините, но вам ведь, наверное, будет тяжело? Я знаю, что Катлин устала, но сама не могу взять ее на руки. – Агнесс провела рукой по заметно округлившемуся животу, обтянутому вылинявшим сарафаном: она была примерно на седьмом месяце беременности.

– Пустяки, – привычно-громко сообщила Лика, легко подхватывая малышку на руки. Весила девочка не больше бронекомплекта, с той лишь разницей, что вес брони равномерно распределялся на все тело, тогда как вес девочки приходился в основном на одну руку. Но теплота прижавшегося тельца неожиданно подействовала успокаивающе, настолько, что появилась уверенность: все будет хорошо. Все обязательно будет хорошо!..

Первый привал сделали только через час, и Лика, спустив отдохнувшую и заметно повеселевшую девочку на землю, с блаженством растянулась на траве. Несмотря на то что она уже давно не несла малышку на руках, а пересадила на плечи, Лика здорово устала. А ведь их дневной переход еще только начался!

Отдохнув, женщины снова тронулись в путь. Сидящая на плечах Катлин о чем-то радостно щебетала, остальные особой веселостью похвастаться не могли. Двухдневная дорога неожиданно сильно вымотала не привыкших к подобным нагрузкам беженков. Все чаще и чаще они начали устраивать привалы; наконец – судя по положению солнца, вскоре после полудня – кто-то из них бессильно опустился на землю, отказываясь идти дальше. В развернувшемся споре Лика не участвовала, оставаясь сторонним наблюдателем. Суть его была ясна и так: одни говорили, что нужно остановиться и устроить большой привал, другие, под предводительством Марии и, как ни странно, беременной Агнесс, горячо спорили, утверждая, что до цели осталось «всего ничего». Победили вторые, и небольшой отряд – «степной табор», как утром назвала его Лика, – двинулся дальше, часа через полтора выйдя к обещанному населенному пункту. Установленный на холме указатель сообщал, что они пересекли границу колониального поселения «Родники». В поселке, на деле оказавшемся милым и очень зеленым, был установлен комендантский режим, и хозяйничали солдаты Корпорации. Издалека заметив на въезде часового в неполной броне, Лика

сжалась: сейчас начнется. Но, против ожидания, ничего «не началось», скорее наоборот – заприметив их группу, часовой вызвал по радиации командира местного гарнизона, который встретил женщин чуть ли не с распростертыми объятиями. Ни о какой проверке документов и речи не шло, зато неограниченное количество слов было сказано о «несчастных беженцах, потерявших по вине федеральных войск кров над головой». «Несчастливые беженцы» в разговор вступать не спешили, мрачно дожидаясь окончания политинформации. Наконец комендант выдохся (или исчерпал все запасы эффектных агитационных фраз) и отдал необходимые распоряжения. Женщин поселили в пустующем здании местной школы, куда двое солдат вскоре притащили несколько десятилитровых армейских термосов с чем-то вкусно пахнущим, щедро наделив всех густой и, главное, горячей похлебкой. Комендант суетился тут же, продолжая сокрушаться о «бесчеловечных действиях правительственной армии». Лика на провокацию не поддавалась, хотя желание плюнуть ему в рожу крепло. Федеральные правительственные войска, стало быть, виноваты! А вовсе не твои набитые деньгами, скупившие чуть не полгалактики хозяева! Вот же дерьмо... Естественно, Лика сдержалась: не хватало только повестись на подобную дешевку! За кормежку и кров, конечно, спасибо, в своем репортаже она честно расскажет, что противник, чего уж там, соблюдал все пункты «Конвенции о беженцах и военнопленных», но и не более того. Об остальном она напишет так, как сочтет необходимым. Как говорится, врать и искажать факты не станет, но и писать «с оглядкой» не приучена.

Ближе к вечеру те же солдаты принесли матрасы и одеяла, и женщины принялись потихоньку устраиваться на ночлег в довольно большом – для сельской школы – актовом зале. Лика на всякий случай устроилась поближе к выходу – мало ли что? Улеглась еще засветло и, сделав вид, что уснула, принялась с искренним интересом слушать, о чем перешептываются женщины. Сперва, как водится, говорили «о тряпках» – правда, не о том, кто что купил и кому что идет, а о том, что у кого осталось в разрушенных домах. Потом перешли на обсуждение «текущей ситуации».

– У меня сестра на Диксоне, – говорила Анна, женщина, которая вчера дала Лике хлеба. – Так их войска Корпорации уже трижды захватывали. Первый раз федералы почти сразу отбили, буквально дней через пять. Затем, месяц спустя, снова. Так вот, если в первый раз строгости всякие были – комендантский час, там, хватали кого ни попадя прямо на улицах, то во второй раз все тихо прошло, цивилизованно, даже пайки выдавали. Сестра сказала: многие стали поговаривать, что при Новых живется не хуже, чем при правительстве. Потом они, правда, отчего-то погрузились на свои корабли, да и убрались восвояси. А

федеральные войска тоже не торопились на планету вернуться...

Анна замолчала.

– И что? – спросила Мария, чем-то напоминающая Лике соседку Наталью Павловну, которая была в курсе не только того, что делается в каждой живущей в их доме семье, но и всего происходящего в городе. Иногда она выдавала столь фантастические подробности из жизни каких-нибудь высокопоставленных чиновников или звезд голливуда, что все лишь снисходительно улыбались. Впрочем, чаще всего эти подробности неожиданно оказывались правдой.

– А что... грабежи пошли, вот что! Сперва подростки начали, потом и взрослые. Беспредел был – жуть. Алоиза сказала: как только у них в космопорте сядет первый корабль, удерет с этой проклятой планеты! А потом снова Новые вернулись, уже в третий раз. Вернулись, да и перевешали без суда всех, кто безобразничал, – сестра говорила, многие местные сами за это были! Так главное ж в том, что вешать-то их вешали, а снимать – не снимали. Вонь, говорит, немыслимая стояла...

– Ой, девочки, хватит уже ужасы рассказывать, – строго сказала Мария. – А то у нас только дите уснуло, а как проснется? Зачем ей такие кошмары слушать? Да и ты б, Агнесс, тоже не слушала, тебе рожать скоро, а дети, говорят, еще в животе все слышат да понимают. Еще своими глазами доведется увидеть!

– Думаете, доведется? – робко спросила молоденькая беженка – как ее звали, Лика не помнила.

– Это ж война, милая, кто ж ее разберет? Может, и доведется...

Дальше Лика не слушала, просто не видела смысла. Девушка отвернулась к стене и накрыла голову одеялом. Несмотря на раннее время, сон пришел на удивление быстро: казалось напряжение последних дней...

Следующий день начался, как говаривал Чебатурин, «с хознужд». Кто-то начал мыть пол, кто-то вытряхивал матрасы, кто-то чистил принесенную солдатами картошку: видимо, с этого дня беженцам ненавязчиво предлагалось готовить самостоятельно. Убедившись, что им не предоставили даже простейшего водонагревателя, ни кухонного, ни бытового, Лика отправилась к коменданту.

Конечно, не за нагревателем как таковым, а скорее развеяться и разведать обстановку. Между прочим, согласно той же Конвенции, беженцам обязаны предоставить возможность узнавать текущие новости и связываться с родными. Ну и медицинскую помощь, ясное дело.

– Чем могу помочь, малышка? – Плутоватая физиономия коменданта прямо-таки сочилась маслом.

Лика едва удержалась, чтобы не расхохотаться. Это она-то «малышка»?! И называет ее так человечек, чья макушка находится как раз на уровне ее уха?! Ну-ну... Впрочем, девушка вовремя вспомнила, где находится, четко сформулировав требование.

– А чего мы так кричим? – комендант был настроен вполне дружелюбно. И тут же пухлая ладонь легла на ее бедро. – Ух, какая ты сочная, малышка! Так чего ж мы так кричим?

– Контузия, – чуть ли не по слогам «проскандировала» девушка. – Федеральный налет, бомба, ничего не помню.

В принципе, она играла с огнем: только полный идиот мог не понять, что она попросту издевается. Был ли комендант именно полным идиотом, она не знала, но в том, что он ничего не понял, была абсолютно уверена.

– Да... – Он подбавил в голос скорби (по крайней мере, ему самому так казалось). – Это война. Все эти так называемые «правительственные войска» порой позволяют себе просто чудовищные... – Он замялся, и Лика вдруг поняла, что он просто не может подобрать подходящее моменту слово. В меру патетическое, в меру громкое, в меру... короче, не может, и все тут! Чего ей стоило не расхохотаться, знала только она. Возможно, узнает и Чебатурин, буде она захочет ему об этом рассказать. Вместо этого девушка смущенно кивнула и улыбнулась ему так... неуверенно-неуверенно! Наивно-наивно! Пожалуй, даже слегка переиграла, хлопая ресницами. Но комендант проглотил, ибо был воистину полным идиотом.

– Так как тебя зовут, красавица?

– Анжелина, – проорала девушка, смущенно потупившись. Нет, все-таки студенческий драмкружок – это что-то. Ну, не Офелия, конечно, но сыграла хорошо, ой, хорошо!

– Будет вам нагреватель, и головизор принесут, – принял решение комендант. – Так я это, к тебе ночью-то приду, ладно? Ах да, вы ж спите-то всем кагалом... Ну, ничего, я что-нибудь придумаю.

«Думай, думай, урод! Авось и я что-нибудь придумаю!» – Ласково улыбаясь, журналистка согласно кивнула. Хорошо хоть руку убрал, сморчок поганый. А на штаны-то камуфляжные даже и внимания не обратил, профессионал хренов. Вот был бы смех, если б он ее сейчас зажал да пузом на пистолет наткнулся! Кстати, насчет оружия надо будет подумать...

Еще раз ободряюще улыбнувшись коменданту, Лика вышла на улицу и внимательно осмотрела двор. Сейчас они тут словно в гостях – комендант вон чуть ли не под ноги стелется, и никакой проверки документов. А вот интересно, а что будет, если она попытается выйти со школьного двора? Ведь уходить придется, не сидеть же здесь до скончания века? И потом – комендант, даже не проверяя документов, может просто поинтересоваться у женщин, кто такая Лика. И они, конечно же, расскажут, при каких обстоятельствах она к ним «приблудилась». И что дальше? Выдумывать легенду? Так ведь она даже толком соврать-то не сумеет – просто потому, что почти ничего не знает об этой планете. А урезанная версия «налет – бомба – ничего не помню» второй раз даже с таким олухом не прокатит. Сбежать? А куда? Дойти до следующего поселка, где нарваться уже на настоящую проверку документов? Или ждать, пока «само рассосется»? Так ведь комендант, похоже, имеет на ее счет более чем серьезные планы. Вот уж точно, дилемма... Для начала хорошо было бы все-таки попытаться просто выйти за пределы школьного двора, типа, на разведку. Да вот только выпустят ли? Или как раз выпустят? Она ведь теперь чуть ли не официальная любовница коменданта.

– Слушай, я вот подумал, – Лика едва не подпрыгнула от неожиданности. Вот уж точно, не поминай лихом! Нагнавший ее комендант пошел рядом, заискивающе заглядывая в лицо. – Надо ж тебя как-то того... ну... оформить. Документов у тебя наверняка нет, знаю я вас, беженки. Пойдем-ка обратно в кабинет, я тебе это... ну... бумаги выпишу. Временные. Чтоб, значит, все по закону было, понимаешь? Пойдем, а?

С трудом сдерживая смех – более всего ее добило это самое «по закону», – Лика серьезно кивнула. Что ж, все даже проще... и куда сложнее. Кажется, бежать ей придется прямо сейчас, поскольку похоть в коменданте явно победила, и сдерживаться он больше не собирается. А отказать ему она, увы, просто не сможет – избранная роль, так сказать, не позволит. Три минуты спустя они снова уединились в знакомой подсобке – назвать это помещение «кабинетом» было сложно. Стол, заваленный сомнительной ценности бумагами, поверх которых стоял весьма современный компьютерный терминал, неширокая кровать под стеной да пластиковый шкаф в углу – больше в кабинете ничего не было. Кровать, надо полагать, то самое «ложе любви», отправиться куда ей ненавязчиво предлагалось, была застелена давно не стиранной простыней подозрительного серо-желтого цвета.

– Присаживайся. – Комендант указал на кровать, сам же уселся на стул. Спорить девушка не стала: к чему спорить с тем, кто вскоре умрет? Или как минимум на неопределенное время выпадет из реальности. О том, что вскоре ей, возможно, придется убить человека, Лика думала совершенно спокойно: то ли коллектор повлиял, то ли человеком она эту мразь попросту не считала. – Ты очень привлекательная женщина, – неожиданно произнес комендант чуть ли не по слогам. Она скромно потупилась. Ну, раз уж в ход пошли столь изысканные комплименты, оформление документов, видимо, откладывается. – Я мог бы говорить экивоками, – надо же, какие мы слова, оказывается, знаем! – Но думаю, что с такой женщиной нужно говорить напрямую. Я хочу, чтобы ты стала моей любовницей. Мне нравятся такие сладенькие, как ты! Э... э, очень нравятся. И не толстая, и не худая, и сиськи ничего!

Лика напряглась – похоже, скоро уже. Великовозрастному парнишке, видать, серьезно кое-что в голову ударило. Не моча, увы, а нечто совершенно иное, хоть и из тех же мест...

– А ты скромненькая! – по-своему истолковав ее молчание, комендант встал из-за стола. – А скромность – это хорошо, мне скромные бабы нравятся. Ну-ка, давай, посмотрим, что у нас тут, – и он протянул руку к Ликиной майке. Все, началось. Теперь главное выбрать нужный момент...

Рука коснулась груди, и в этот момент девушка ударила. Врезала в точности так, как учил ее Сережа, – ребром ладони по кадыку. Сильно ударила, даже ладонь онемела. Комендант сдавленно булькнул и осел на пол. Лика брезгливо отпихнула его ногой и встала, поправляя задравшуюся футболку. Теперь отсюда

надо выбираться, причем очень быстро. Через дверь нельзя, она заперта изнутри и должна такой и оставаться: господин комендант развлекается с девочкой, и его не надо беспокоить! Значит, остается выходящее на задний двор окно – солдат там, насколько она успела заметить, нет. Отлично! Все, можно уходить. Вот только...

Девушка оглянулась. Комендант лежал в прежней позе. Интересно, мертв он или... Рука сама собой полезла под майку и коснулась нагретого телом пистолета. Вытащить, сдвинуть предохранитель и, обмотав «штайр» грязной простыней, выстрелить, плотно прижав ствол к телу. Вряд ли звук будет особо громким. Или просто наступить ему ногой на горло и простоять так с минуту. Но... нет, она не может этого сделать, не может – и все! Это не бой и даже не самозащита, это просто холодное, расчетливое убийство! Отмыться от этого будет куда сложнее, чем даже от физической близости с этим человеком! Нет и еще раз нет!

Лика решительно отступила к окну, взобралась на узенький пыльный подоконник и прыгнула вниз. Она не ошиблась, с этой стороны территорию никто не охранял, кроме того, прямо к забору примыкали высокие, выше ее роста, кусты с большими листьями и колючими семенами. Поколебавшись мгновение, девушка решительно двинулась в глубь зарослей. Странное растение сменилось чем-то, напоминающим земной репей, – мохнатые цепкие семена моментально оказались везде: в волосах, на штанах, на футболке. Впрочем, какая разница? Сейчас главное уйти подальше от школы и от села, остальное подождет. И она бодро затопала вперед, не особо озадачиваясь выбором направления: школа, насколько она сумела заметить еще вчера, стояла на отшибе, и ее задний двор выходил как раз в сторону от поселка.

Остановилась она лишь спустя час. За спиной (относительно, конечно, за спиной – Лика вовсе не была уверена, что точно выдерживала направление) пока было тихо. Хотя она в любом случае вряд ли что-то б услышала: между нею и поселком теперь лежал лесок с нешироким ручьем, в котором Лика умылась и «впрок» напилась. Вспомнив о собаках, она даже прошла немного по течению по щиколотку в воде – наивная хитрость, но ничего иного ей просто не пришло в голову. Вокруг снова расстилалась все та же, что и вчера, степь. Ну, и куда дальше? Нет, все-таки она дура! Может, и идейная, и имеющая представление о чести и верности, но дура! Можно ж было с тем же комендантом повести себя как-то иначе, погибче, что ли? Так нет же, как обычно, поперла в лоб! Ну, и чего добились? Отдохнула, выпалась, поела и снова бредет по степи. Не зная куда,

не зная зачем. Вообще-то прежде чем что-то делать, нужно подумать. Это еще папа любил говорить, а потом и Чебатурин подключился, в точности повторяя его слова. Вот куда, к примеру, ей идти дальше? Прямо? Или налево? А почему не направо? Степь вообще-то везде одинаковая. Как говорится, «дорог нет, одни направления»...

Глухо застонав, Лика подняла голову, глядя в непривычного, какого-то сиреневатого оттенка небо (надо же, только сейчас заметила). И увидела крохотную черную точку... несколько черных точек... несколько десятков черных точек...

Они неслись к поверхности планеты, стремительно увеличиваясь в размерах, и Лика безо всякой оптики поняла, что это такое. Десант правительственных войск начал завершающую операцию по освобождению планеты от противника. Вспомнив кое о чем, девушка рванула из кармана радиогарнитуру, натянула упругий обруч на голову. Крохотный наушник будто бы сам скользнул в ухо, и она услышала искаженный атмосферными помехами голос:

– ...седьмой – третьему, готовность ноль. Высаживаемся...

4

Артефакт. Прелюдия

за несколько лет до начала боевых действий

Пока что планета даже не имела собственного имени, только реестровый номер Х-1015 и технический индекс П(У)ЗТ-С-005-1015. «Планета условно-земного типа», класс «С», подкласс «два нуля пять», номер в реестре освоенных миров «1015». В переводе на нормальный человеческий язык вся эта абракадабра означала, что атмосфера пригодна для дыхания, сила тяготения близка к земной, год длится не меньше трехсот и не более четырехсот дней, а флора и фауна безопасны для человека. Правда, индекс «условно», вкупе с низким коэффициентом пригодности к заселению, сильно портил картину: практически вся поверхность была покрыта многометровым слоем снега и льда, а

среднесуточная температура составляла около тридцати пяти градусов ниже нуля. Эдакий глобальный всепланетный ледник возрастом в несколько миллионов местных лет. Проблема крылась в том, что планета находилась слишком далеко от своего солнца, желтой звезды спектрального класса G. Но так было не всегда. Палеогеологи в один голос утверждали, что некогда на планете царил мягкий субтропический климат, а поверхность покрывали обширные леса, населенные самой разнообразной фауной. Однако некий катаклизм, произошедший около трех миллионов лет назад, отбросил ее от родной звезды. Теплолюбивые растения и животные погибли почти сразу, атмосферная влага выпала снегом, замерзли океаны, и некогда живой и цветущий мир превратился в царство вечного холода. Люди пока не владели технологиями, способными изменять орбиты столь крупных небесных тел, а обычные методы терраформации ничего бы не дали. Конечно, атмосферные преобразователи и орбитальные зеркала могли создать парниковый эффект, достаточный для того, чтобы растопить сковывавший поверхность ледяной панцирь, но все это были бы лишь временные меры. Возможно, в будущем людям и удастся вернуть «беглую» планету на прежнюю орбиту (тем более других планет у звезды не было, так что о нарушении равновесия всей системы речи бы не шло), но это в будущем. Впрочем, и оставлять без внимания столь полезную находку никто не собирался – миры с подходящей для человека атмосферой и гравитацией не часто встречались во Вселенной, а недра планеты таили в себе множество полезных ископаемых, от давно утративших былое значение нефти и газа до залежей железной руды, редкоземельных и благородных металлов. В наиболее перспективных районах было разбито несколько колоний, где добыча шла вахтовым методом, а на геосинхронной орбите построили терминал, от причалов которого дважды в месяц отходили груженные рудным концентратом транспортные суда. Поскольку планета не считалась годной для немедленного массового заселения и не подходила ни под один пункт «Конвенции об экологически неприкосновенных мирах», уже на втором году освоения она плавно отошла под юрисдикцию Межпланетной Финансовой Корпорации. С чем, собственно, никто и не спорил – воротилам МФК всегда лучше других удавалось добиваться успеха там, где иные попросту опускали руки. Кроме того, у Корпорации был собственный транспортный флот и множество перерабатывающих заводов, как орбитальных, так и расположенных на поверхности техногенных миров.

Вот только в тот момент никто в мире, увы, не знал, во что все это выльется в итоге...

* * *

– И все-таки, я бы хотел, чтобы вы лично посмотрели на ЭТО, господин старший мастер! – бригадир сменной вахты Серж Молина намеренно акцентировал не только это самое «лично», но и звание начальника. – Мне кажется, вы не пожалеете... – Окончание фразы тоже прозвучало весьма двусмысленно.

– На что? – устало переспросил Эдди Хьюз, которому меньше всего на свете сейчас хотелось куда-то идти. Он только что благополучно отчитался перед начальством за месячную добычу и мечтал лишь об одном: вернуться в свою временку, хлопнуть полтораста граммов хорошего виски (ключевое слово именно «хорошего» – любимый напиток ему присылали аж с Родена, по сто двадцать кредитов за бутылку, между прочим!) и завалиться спать. С другой стороны, он знал, что бригадир просто так не отстанет – в какой-то мере именно за это качество он его и ценил. Уж если Серж упрется, то все: хочешь не хочешь, а реагировать придется. Более нудного и приставучего человека еще стоило поискать.

– Далеко? – обреченно уточнил Эдди.

– Да нет, какое далеко?! Всего-то третий участок, – оптимистично сообщил бригадир, и Хьюз мысленно застонал: до третьего участка было километров двенадцать ледяной пустыни. С другой стороны, всего каких-то десять минут на гравилете, и они на месте. А там либо он выскажет Сержу все, что о нем думает (и не только выскажет), либо... ну, не зря ж тот его с места срывает? Чай, не первый год бригадирит, знает, что к чему и кто крайним, случись что, останется. Наверняка не так все просто.

– Ладно, полетели. – Хьюз снял с вешалки куртку, вытянул из кармана теплую вязаную шапочку. – Надеюсь, ты понимаешь, Серж, что будет, если ты меня зря...

– Ничего не будет, – невозмутимо сообщил тот, – вы не пожалеете. Уж поверьте!

– Уж поверю... – мрачно согласился старший мастер, выходя на тридцатиградусный мороз. Герметичная дверь конторы, исторгнув наружу клубы пара, мягко закрылась за спиной. Начавшаяся еще днем метель немедленно швырнула в лицо пригоршню мелкого колкого снега, даже скорее

ледяной крошки – весьма неприятная особенность местного климата. За несколько проведенных на планете месяцев Хьюз еще ни разу не видел нормального, мягкого снега, только эта секущая кожу ледяная пыль. Но отступить было поздно, и Эдди, набросив капюшон и набычившись, решительно потопал к гравилету, припаркованному в нескольких метрах от здания. Несколько минут спустя летательный аппарат поднялся в воздух и, набрав безопасную высоту, двинулся навстречу обещанной бригадиром находке. Летели довольно долго, куда дольше десяти минут – несмотря на надежную навигационную систему, «всепогодный» автопилот и силовую метеозащиту, Хьюз не хотел рисковать. Надежная бортовая электроника – само собой, но бывали, знаете ли, прецеденты. Особенно в этом сумасшедшем (хоть и оплачиваемом по двойному вахтовому тарифу) климате...

– Здесь. – Молина наконец кивнул на алую метку привязного радиомаяка на экране бортового навигатора. – Приземляйтесь...

Эдди пожал плечами и сбросил скорость, зависая над небольшой площадкой, размеченной по периметру яркими посадочными огнями, видимыми даже сквозь метель. Гравилет мягко опустился на землю и замер. Хьюз отключил экраны, и кабину тут же запорошило снегом. Вдалеке застыли, растянувшись цепью, смутно различимые силуэты карьерных роботов-грейдеров, сейчас отключенных. Добычу руды здесь планировалось начать только месяца через два, пока же тяжелая техника расчищала территорию будущего «третьего участка». Конечно, ледник можно было растопить, благо возможности имелись, но тогда пришлось бы решать, куда деть огромное количество воды. Да и затраты от использования обычной техники, уже так и так переброшенной на планету, оказались на много порядков ниже, а руководство МФК очень не любило переплачивать за что бы то ни было.

Даже за то, что в недалеком будущем сулило огромные прибыли.

Сегодня мощная техника не работала – все по той же причине. Карьерные роботы, даже контролируемые оператором, слишком тупые машины, чтобы работать при такой видимости. Им-то, ясное дело, на всякие там метеоусловия глубоко плевать, но вот человек-оператор просто не сумеет ничего разглядеть в этой сумасшедшей круговерти. Кстати, интересно, а как это Серж собрался ему что-то показывать? Тут не то что ничего не разглядишь, тут и выходить наружу не сильно хочется. Совсем, вернее говоря, не хочется.

Последнюю мысль бригадир словно прочитал, весело улыбнувшись в ответ:

– Да не волнуйтесь, шеф, тут метров пятьдесят только пройти, а там, – он неожиданно посерьезнел, чуть смущенно dokonчив: – Ну а там, короче, и сами все, гм, поймете...

Эдди недоверчиво хмыкнул и, прихватив мощный фонарь, полез наружу.

– Это... оно? – Мастер замер как вкопанный, не в состоянии мгновенно осознать произошедших изменений. Вот только еще секунду назад они пробивались сквозь сверкающую в свете геологических фонарей ледяную мглу – и вдруг она исчезла. Просто исчезла, будто люди переступили некую незримую границу. Исчезла вместе с неистовым воем ветра, терзавшим слух с того самого мгновения, как они покинули герметичную кабину гравилета. Обернувшись, Хьюз стянул перчатку и вытянул руку. По коже тут же хлестнули тысячи крохотных острых иголок – снаружи по-прежнему бушевала метель. «Незримая граница», напоминавшая неведомо кем установленное силовое поле, существовала на самом деле. Инстинктивно отдернув кисть, он взглянул перед собой. Они с Сержем стояли на краю абсолютно ровного участка, оценить истинные размеры которого при таком освещении было невозможно – до противоположной ледяной «стены» могло быть и десять метров, и все сорок. Над головой невидимые стены смыкались наподобие купола, причем смыкались не высоко, примерно метрах в пяти – по-крайней мере так казалось. Лежащая под ногами поверхность была идеально-гладкой, не то из темного камня, не то вовсе металлическая. Больше ничего необычного на первый взгляд не было. Хотя куда уж, в принципе, больше!..

Заметив, что шеф разглядывает странный грунт, Молина пояснил:

– Обычный базальт, только непонятно как обработанный. Сначала думал, оплавленный или шлифованный, но, похоже, нет. Могу точно сказать: нам такой вид обработки вряд ли знаком. Да и не в этом дело.

– А в чем? – задал Эдди классически-идиотский вопрос.

Отвечать бригадир не стал, настойчиво потянув Хьюза вперед. Против ожидания, идти по тускло отблескивавшей поверхности, несмотря на налипший

на подошвы снег, оказалось совершенно не скользко. Впрочем, идти пришлось недалеко, диаметр площадки (представлявшей собой, как объяснил Серж, идеальную окружность) составлял что-то около тридцати с небольшим метров. Шаги отдавались в камне, будто люди шли по мраморному полу пустого и гулкого коридора.

А затем Эдди Хьюз, старший мастер горнодобывающей колонии номер два (неограниченная лицензия класса «А» рудничного комитета МФК), неожиданно увидел ЭТО. Увидел настолько неожиданно, что резко остановился. Черный, диаметром около метра округлый провал точно по центру загадочной площадки. Бригадир же, самодовольно ухмыльнувшись, сделал еще шаг и... встал прямо на разъявленное, казалось, отверстие. Встал, потоптался на нем и, отступив на шаг, присел на корточки, направляя свет фонаря почти параллельно поверхности. Призывно махнул рукой – и опустившийся следом Хьюз понял свою ошибку. Падающий под небольшим углом луч показал, что это вовсе не отверстие, а вмурованный в окружающий камень диск, сделанный из необычного материала, не отражающего, а будто бы поглощающего свет. Да, именно «поглощающего», хоть и не до конца: в излишне резком свете Эдди удалось рассмотреть по центру пару небольших углублений.

– Что это? – некстати дрогнувшим голосом старший мастер задал второй из соответствующих моменту обязательных глупых вопросов.

– Люк, – не в пример более спокойно ответил бригадир. – Я, когда его нашел, отчего-то сразу понял, что это именно люк. А это, – он вытянул руку, легонько коснувшись кончиками указательного и среднего пальцев углублений, – замок. Смотрите, сейчас...

Несколько секунд ничего не происходило, затем поверхность диска подернулась короткой судорожной рябью – и исчезла, будто одновременно втянувшись в края открывшегося отверстия. Впрочем, последнее могло и почудиться: наклонившийся над «люком» Серж отвел свой фонарь в сторону, а собственный фотонник Эдди и вовсе смотрел куда-то вбок. Теперь перед Хьюзом находился самый настоящий провал, точнее – вход в уходящую вертикально вниз шахту.

Молина победно посмотрел на шефа:

– Ну и как вам?

– Норм... нормально, – с трудом выдавил тот, едва ли не против воли отодвигаясь от края лаза. – А... э-э... внизу что?

– Колодец, – с готовностью пояснил тот, – пятиметровая шахта с почти нулевой силой тяжести, что-то типа антигравитационного лифта. Если сейчас снова выйти за границу площадки, люк сам закроется. А вот что там еще есть, понятия не имею, я вниз не спускался. Да и какая разница? Вы разве не поняли, ЧТО это такое?

– Понял, – выдавил Хьюз сквозь внезапно пересохшее горло. – Первый в истории артефакт Чужих...

– ...который стоит просто до неприличия большую кучу денег, – dokonчил за него подчиненный. – Как считаете, шеф, Корпорация не откажется выплатить обещанный миллиард кредитов нашедшему этот артефакт?

Вместо ответа Хьюз вытащил из кармана плоскую фляжку с роденовским виски и, сделав пару глотков, протянул емкость бригадиру. От угощения тот не отказался, влив себе в глотку куда больший объем дорогого напитка, нежели позволяло служебное положение. О котором, впрочем, сейчас смело можно было забыть.

Миллиард кредитов... Вознаграждение, много лет назад обещанное Корпорацией за любые достоверные сведения об артефактах Чужих. Немыслимые для обычного человека деньги, на которые, без малого век, так никто ни разу и не претендовал. Нет, разговоры-то периодически всякие ходили: мол, и флотская разведка уж давно что-то нашла, чуть ли не чужой космолет, и «черные искатели» не раз на эти самые таинственные «артефакты» натыкались, но кто ж подобному верить будет? Официально считается, что никакого чуждого человеческого разума во Вселенной не существует – или люди с ним просто еще не сталкивались. До сегодняшнего дня, так уж получается...

– Что-то мне подсказывает, шеф, что вы не станете сильно отказываться от половины этой суммы, – продолжал тем временем Молина, не торопясь возвращать флягу. – Сами понимаете, не по общему ж каналу о таком сообщать? Вот я и решил сначала вам эту хрень показать. У вас-то с руководством рудкомитета прямой закрытый канал. Ну, типа того...

– Вообще-то это вознаграждение – не более чем частная инициатива МФК, – осторожно сообщил старший мастер, – а по закону мы обязаны сначала уведомить правительственный комитет ксенологии...

– Шеф, вы о чем? – перебил, не дослушав, Серж. – Вам что, деньги не нужны? Или решили благотворительностью заняться? Да имея полмиллиарда кредов, вы сможете себе позволить жить на любой планете! И забыть все это, – бригадир неопределенно дернул головой, – как страшный сон. У вас большая семья, это я, между прочим, холостяк.

– Я сказал «должны», а не «уведомим», – поджал губы Хьюз. Бригадир, в принципе, был прав: от такого шанса не отказываются. На эту сумму, даже если не вкладывать ее в бизнес и не существовать на банковские проценты, можно безбедно прожить на любой из планет класса «А». Да что там «на любой», можно и на саму Землю, еще полтора века назад превращенную в закрытый экологический заповедник, со всей семьей переехать! Прародина человечества миллионеров очень даже привечает. Впрочем, стоп, оборвал он себя. Это Молина по младости лет еще может губу раскатывать, а не он. Нет, Корпорация, конечно, «гарант финансовой стабильности», все дела, но и деньгами, особенно такими, разбрасываться не любит. Точнее, вообще не разбрасывается. А значит, вознаграждение еще нужно суметь получить...

– Полетели, у нас, как я понимаю, не так уж много времени. Если к утру метель закончится и грейдеры начнут работу... нам лишняя огласка тоже ни к чему.

– Насчет этого не волнуйтесь, шеф, – бригадир, похоже, ждал этого вопроса. – По прогнозу, вьюга на весь завтрашний день затянется, это во-первых. Во-вторых, за расчистку участка все равно я отвечаю, так что никто здесь работать не будет. Ну, и самое главное – сверху этот... эту штуку тоже не заметишь, ни со спутника, ни с гравилета.

– Это как?!

– А вот так, сам проверял, еще до метели. Не знаю, конечно, что это за маскировка такая хитрая, но сверху ни площадки, ни шахты просто не видно. Выглядит все, будто плохо расчищенная от снега базальтовая площадка.

Хьюз недоверчиво хмыкнул, но переспрашивать не стал: вряд ли бригадир мог еще что-то объяснить. Но поспешить, как бы там оно ни было, все равно следовало. Вернуться в лагерь, запросить экстренный сеанс связи, вытащить из постели председателя рудничного комитета, старика Хантера, и уж через него... да, пожалуй, Юджин вполне может помочь, чтобы его сообщение попало куда следует. На самый верх. Тем более что и вытаскивать-то никого не придется – пока то да се, на Эльтеррусе уже как раз наступит утро. Да, должно сработать, должно...

– Пошли, – коротко бросил Хьюз, набрасывая капюшон. Бригадир кивнул и двинулся следом. Не оглядываясь, люди пересекли границу площадки, растворившись в белесой ледяной круговерти...

* * *

Спустя два дня на территории колонии приземлился планетарный челнок с эмблемой Межпланетной Финансовой Корпорации на борту. Пребывавший в прекрасном расположении духа Хьюз встречал на посадочной площадке. Тот факт, что вместо легкого скоростного шаттла, на котором обычно прибывали посланцы Корпорации, прилетел стандартный армейский десантный модуль, Эдди несколько не удивил – голову старшего мастера занимали совершенно иные мысли. Самые, надо признаться, радужные мысли: старина Хантер не подвел, многозначительно пообещав поддержку во всем. Дождавшись, пока осядет поднятая при посадке ледяная пыль, на негостеприимную землю Х-1015 спустились двое, оба в легких скафандрах, но с поднятыми забралами шлемов. Значок на шевронах был Хьюзу незнаком: то ли служба безопасности МФК, то ли еще что-то, связанное с дальними колониями. Впрочем, прибывшие вовсе не собирались делать из этого тайны:

– Колониальная карантинная служба Корпорации. Эдди Хьюз – это, я так понимаю, вы?

– Да, – кивнул несколько сбитый с толку мастер, – а почему карантинная служба? Мне сообщили, что прибудет полномочный представитель по сектору.

– Со вчерашнего дня на планету наложен карантин в связи с... серьезной техногенной аварией в колонии, – проигнорировав второй вопрос, равнодушно ответил один из прилетевших. Причем Хьюзу отчего-то показалось, что

формулировку причины карантина он придумал прямо сейчас. И еще ему показалось, что воздух вокруг распахнутой десантной аппарели челнока наполнился какими-то странными, едва заметными бликами.

– К... какой аварией?!

– Ну, допустим, реактора. – Собеседник уже откровенно издевался. – Или смертельный вирус в воздухе, – он демонстративно втянул носом чистый морозный воздух, – обнаружился. Вдохнешь – и мгновенный летальный исход. Всякое случается, мало ли...

– То есть вы имеете в виду...

– Да какая разница? – неожиданно отрезал он. – Давайте! – последнее к Эдди уже не относилось, но понял он это лишь тогда, когда замеченные «блики» превратились в фигуры десантников в полных боевых скафандрах, покрытых нанокамуфляжем-«невидимкой». Двигались солдаты практически бесшумно и – учитывая амуницию и броню – поразительно легко, видимо пользуясь разгрузочными антигравитами. Двое подбежали к Хьюзу и, грубо заломив руки, швырнули лицом в утрамбованный снег, еще один, с сержантскими лычками на рукаве скафандра, замер перед представителем Корпорации.

– Найдите второго и остальных, – говорящий сделал короткую, едва различимую паузу, будто решая, стоит ли продолжать в присутствии постороннего. Решил, что стоит, тем самым окончательно подписав ему смертный приговор: – Когда закончите с зачисткой лагеря, дождитесь прибытия основной группы. Мы летим к объекту, будем ожидать там. Все, работайте...

И в этот момент Хьюз наконец-то понял, что никакого вознаграждения они с Сержем не получают.

Вообще не получают.

Ни-ког-да...

Лидка

– Старшего лейтенанта Бачинину – немедленно к командиру авиагруппы. – Молоденький посыльный козырнул и нагло усмехнулся.

Лидка коротко матюгнулась про себя. Немедленно! В таком виде! Потемневшая от пота форменная майка, вылинявшие от частых стирок армейские тренировочные штаны – а как еще, спрашивается, должен выглядеть человек, занимающийся в тренажерном зале? Да еще и после двадцати пяти кругов по спортзалу – девушка старалась держать себя в форме, дважды в неделю пробегая четыре километра.

– Немедленно, – с видимым удовольствием повторил посыльный, но Лидка не обратила на это никакого внимания. Пытается выглядеть большой шишкой? Это его личные проблемы. Не хватало еще ей, боевому пилоту, обращать внимание на личное отношение какого-то штабного крысюка.

– Что ж, немедленно – значит, немедленно, – согласилась девушка, фамильярно потрепав посыльного по плечу. – Приказы в боевых частях, молодой человек, как известно, не обсуждают. – Все ее актерское мастерство ушло на то, чтоб это самое «в боевых частях» прозвучало именно так, как требовалось. Посыльный намек понял и залился краской, однако же промолчал.

– Бачинина, ты чего, совсем сдурела? – «Кап-два» Спаржев снял свои старомодные очки и осторожно положил их на стол. – Ты бы ко мне еще, хм, без трусов явилась.

– Мною было получено распоряжение прибыть немедленно! – четко отрапортовала Лидка. Ей до посыльного, конечно, дела нет, но то, что он теперь по шее получит, – это сто процентов! Николай Аркадьевич шутить не любит и спуску подчиненным, как правило, не дает.

– Ладно. Слушай, Лидия, я хочу поговорить с тобой не как командир с подчиненным, и даже не как старший по званию. Я хочу, чтобы ты поняла меня.

Девушка наклонила голову и нахмурилась. Если командир не приказывает, а просит, то ничего хорошего это не сулит... придется слушать...

– Рапорт о твоём назначении командиром эскадрильи отклонен, мотивировка: недостаток опыта. Так что ты остаешься на своей должности, чему я, если честно, даже рад. Из тебя вышел бы отличный комэск, я в этом уверен, но сейчас ты куда нужнее в качестве старшего инструктора. Сама видишь, кого к нам присылают, а ведь им скоро идти в бой. Собственно говоря, командиром звена ты все равно остаешься и в боевых вылетах участвовать будешь. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Да, понимаю... – Лидка закусил губу. Ведь сколько говорила себе, что ничего из этого не выгорит, а все равно, как пощечина!..

– Бачинина, мне нет нужды говорить, что я знаю тебя как настоящего профессионала и боевого пилота высочайшего класса...

Спаржев нервничал едва ли не больше ее самой, и это было заметно.

– Николай Аркадьевич, – она редко позволяла себе обращаться к командиру родной «бэ-че» столь фамильярно, да еще и перебивать, но сейчас, пожалуй, был именно такой случай, – Николай Аркадьевич, не волнуйтесь, я не подведу, вы же знаете! – В конце концов, что он о ней думает?! Что амбиции для нее важнее дела? Какие глупости, ведь это война, на которой гибнут люди! Ее друзья, ее подчиненные! Не думает же он, что она станет...

– Нет, Лида, я ничего такого не думаю. – Командир грустно усмехнулся. – Успеешь ты еще комэском стать, война – она дама переменчивая, сама должна понимать, не маленькая. Просто... короче, Бачинина, я бы хотел, чтоб обошлось без всяких там, гм, мелких сюрпризов типа намазанного клеем стула или разных там аписов и апусов. Особенно Кавадзе предупреди! Лида, я прошу и... – видимо, Спаржев хотел сказать «приказываю» или, на худой конец, «настаиваю», но сдержался. – Нет, традиции, конечно, нерушимы, не сейчас не самое подходящее время, и я бы очень хотел, чтоб ты это поняла...

Лидка понимающе усмехнулась. Аписами называли маленьких мушек, производство которых наладили техники-ремонтники. Уж бог весть, по какой технологии они их делали, но выглядели мушки совершенно как живые и даже

двигались; обычно новичкам их подкладывали в еду – дабы насладиться лицезрением реакции. А с апусами была отдельная история: то ли техники что-то намутили, то ли действительно хотели получить то, что и получили в результате, но только в тарелке одного из новичков оказалось нечто, чрезвычайно напоминающее птичий помет. Новичок же оказался наслышан о «посвящении в пилоты» и ожидал увидеть в тарелке муху, а обнаружил нечто совершенно иное, и, борясь с дурнотой, бледнея и заикаясь, спросил: «Но... это же... не апис?!» После чего флегматичный Арман, сидящий рядом, заглянув в тарелку, подтвердил: «Не-а, точно, не апис, а апус». Апус на одном из древних мертвых языков обозначало «стриж», и, скорее всего, это слово сорвалось у пилота случайно, в силу созвучности с аписами, но с тех пор любые приколы обязательно носили название «аписов и апусов».

Прогнав не к месту нахлынувшие воспоминания, девушка кивнула:

– Я поняла. Обещаю сделать все возможное...

– И невозможное, Лида, и невозможное! – Спаржев полушутливо погрозил пальцем. – Ладно, иди, принимай группу, – «кап-два» поморщился. – Только что прибыли, прямо из учебки, так что сама знаешь, что тебя ждет. Пока в секторе спокойно, погоняй их немного вблизи корабля и доложишь, насколько все плохо. И поостороже там, ладно? Только без, гм, твоих выкрутасов, хорошо? Насчет апусов и аписов мы договорились?

– Договорились, – пряча улыбку, серьезно кивнула девушка.

– Ну, так иди, Бачинина, – Николай Аркадьевич водрузил на нос очки. – Бегом отсюда! И это... переоденься, что ли?..

* * *

Несмотря на данное Спаржеву обещание, «погонять» новоприбывших Лидка смогла лишь на следующий день: ребята прибыли на транспорте обеспечения, даже по военным меркам весьма слабо приспособленном для перевозки пассажиров. И едва взглянув на выстроившуюся на палубе нестройную шеренгу вчерашних курсантов, девушка, дернув щекой, объявила им «семнадцать часов личного времени». На нормальном языке это означало поселиться, активировать

продуктовые аттестаты, поест, принять душ и выспаться. Иначе... иначе она еще до отбоя рисковала получить несколько трупов, парочку разбитых истребителей и вообще пойти под трибунал за несоблюдение норм безопасности учебно-тренировочных полетов, поскольку посадить это изможденное перелетом нечто в кабину боевого истребителя было бы преступлением и вообще откровенным саботажем. С подобными мыслями она и отправилась в каюту. До отбоя Лидка просматривала личные дела новичков, благо все необходимые сведения уже были загружены в корабельную сеть, прикидывая, что от них можно ожидать во время завтрашнего полета. Прикидывалось плохо, полупустые личные файлы содержали лишь минимальный объем информации: голопортрет, анкетные данные, краткую автобиографию, сведения о нареканиях и благодарностях за время учебы да сокращенный почти в два раза выпускной аттестат с более чем посредственными оценками. Впрочем, что возьмешь с ускоренного выпуска? До личных дел ли было инструкторам, которым едва хватало времени обучить будущих пилотов хотя бы просто управлять истребителем, наскоро вбив в коротко стриженные головы азы ведения атмосферного или пространственного боя? Все остальные премудрости профессии ребятам предстояло изучить «в боевых условиях» – вот только многие ли успеют сделать это до того, как их «шарк» полыхнет в атмосфере чужой планеты? Вздохнув, Бачинина отключила терминал и растянулась на койке. Ладно, завтра посмотрим. Как говорили в старину, «утро вечера мудренее». В конце концов, при таком уровне подготовки именно она и будет считаться их настоящим инструктором, и именно она несет ответственность за... да за все, собственно. И именно ей предстоит сделать все возможное и невозможное, чтобы из ребят вышел толк, чтобы они смогли не только на равных сражаться с противником, но и возвращаться из боя живыми. Так что прав, тысячу раз прав Николай Аркадьевич – на своем нынешнем месте она куда нужнее, нежели на посту комэска. Потому что не столь важно, скольких врагов ты собьешь в бою – куда важнее, сколько жизней ты спасешь, подготовив зеленых пацанов к этому самому бою! С этой мыслью Лидка и уснула.

Тренировки начались в десять часов по корабельному времени, сразу после короткого инструктажа, проводимого лично старшим лейтенантом Бачиной, и медосмотра. Несмотря на строгость начальника медслужбы, к полетам допустили всех, чему Лидка в глубине души весьма обрадовалась: хоть с физическим здоровьем проблем нет, и на том спасибо! А в остальном? В остальном – вот прямо сейчас и посмотрим. Назвав первую попавшуюся фамилию из высветившегося на ее электронном планшете списка (парень немедленно побледнел), Бачинина кивнула головой в сторону истребителя, уже установленного на направляющих стартовой катапульты:

– Прошу вас, пилот. Посмотрим, чему вас успели научить и успели ли хоть чему-то. Работаем в паре, я ведущий, вы соответственно ведомый. Приказ на сегодня только один: «Делай, как я». Я, конечно, буду страховать, но все же постарайтесь не угробить ни меня, ни себя, ни машину. Вопросы?

– Н-нет...

– Ну, на «нет», как известно, и трибунала нет, – вполне добродушно улыбнулась Лидка. – Тогда вперед. И помните: зачастую от того, насколько точно второй номер сумеет повторить маневр ведущего, зависит исход всего боя. Никакой отсебятины или лихачества, иначе отстраню от полетов. Это касается не только вас, но и всех остальных, баба я вредная, и у вас еще будет время ощутить это в полной мере. Все, поехали...

Тренировка продлилась часа три – Лидка тратила на «обкатку» каждого из восьмерых новоприбывших не больше десяти минут, вызывая следующего по бортовой связи. Сама она между полетами не шлюзовалась, зависая в сотне метров от борта – на процедуру посадки и старта и так уходила большая часть времени, да и понаблюдать за действиями вчерашних курсантов со стороны было вовсе не лишним. Взлет, короткий полет в паре и посадка, на первый раз (и для составления первого впечатления) вполне достаточно. Ничего сложного, детское развлечение, не идущее ни в какое сравнение с нагрузкой настоящего боевого вылета, но новички, похоже, умудрились устать – спасибо, хоть никаких ЧП не случилось, даже мимо шлюза при посадке никто не промахнулся. Впрочем, последнее, учитывая привязной посадочный сигнал и бортовой компьютер, было и вовсе из области фантастики. Будущим асам совершенно не обязательно было знать о заложенной в виртуальную сеть истребителя программе принудительного перехода на автопилот в случае малейшей опасности для пилота или его неадекватной реакции на происходящее. Именно потому Лидка никогда и не тратила тренировочное время на виртуальный симулятор и обкатку молодняка с инструктором на учебной «спарке». Пусть думают, что полет полностью под их контролем, пусть поволнуются, сразу же показав все свои слабые и сильные стороны. Ну а мы и со стороны посмотрим, и записи бортового регистратора почитаем, особенно расшифровки пси-статуса... А про контрольную программу ребята, скорее всего, так никогда и не узнают, ведь в боевых условиях ничего подобного не будет, никаких ограничений...

Финишировав последней, Лидка неторопливо выбралась из кабины, сняла шлем, ласково похлопала по обшивке родную «Акулу»:

– Построились. На сегодня тренировка окончена, после обеда – разбор полетов. В четырнадцать тридцать быть здесь. Вольно, разойтись, – лейтенант развернулась на каблуках и покинула ангар, провожаемая недоуменными взглядами: похоже, молодые ждали от сурового инструктора немедленной оценки своих выдающихся способностей. Напрасно, конечно, ждали – Лидка, хоть и сложила об оных способностях свое мнение, делиться им пока ни с кем не собиралась. Пусть сначала пообедают и немного расслабятся, а там уж... Критику, особенно в той форме, в какой она собиралась ее подать, лучше воспринимать на сытый желудок и спокойно. Поскольку сдерживаться и приукрашивать действительность (увы, поистине суровую) она вовсе не собиралась – не привыкла, знаете ли, особенно когда речь шла о человеческих жизнях.

Разбор полетов состоялся в том же ангаре. Лидка построила своих подопечных, помахала зажатым в руке планшетом и, не обращая никакого внимания на застывшего за спиной Спаржева, негромко спросила:

– Вы действительно думаете, что вам можно доверить боевой истребитель? Или просто прилетели сюда немного отожраться на казенных пайках? Нет, я все понимаю, время военное, ускоренный выпуск, но нельзя же так! Думаете, вы пилоты? Нет, господа, вы мусоровозы!

Капитан второго ранга едва заметно дернул уголком рта, но смолчал, не желая лезть не в свое дело. Бачинина была одним из лучших инструкторов-практиков на корабле, и мешать он не собирался, хотя и не разделял ее взглядов на «воспитательный процесс». Старший лейтенант же и не думала останавливаться:

– Да вам даже помидоры перевозить нельзя доверить! Хотя нет, простите, – Лидка приложила к груди руку, притворно засмущавшись, – тут я немного ошиблась. Из вас выйдут лучшие в галактике перевозчики соков. Загружаете полный трюм помидоров – выкачиваете тысячи литров свежавыжатого томатного сока! Вперемешку с вашим дерьмом и потрохами!..

Кто-то из курсантов... ах да, простите, конечно же, из офицеров, все-таки не выдержал и засмеялся. Девушка резко обернулась, взглянув в его лицо:

– Согласна, Деррини, это очень смешно. Только вот кто будет смеяться, а, лейтенант? Вражеский пилот, сбивший тебя в первом же бою? Или мать, получившая похоронку? А может, невеста или сестра? Да, наверное, ты прав, всем им будет очень смешно, просто до слез смешно... – И неожиданно совершенно изменив тон (она частенько практиковала этот нехитрый прием, не переставая удивляться тому, сколь эффективно он мобилизует внимание слушателей), Лидка принялась абсолютно спокойным голосом разбирать ошибки, совершенные каждым из новичков во время тренировки. Из ее слов выходило, что без ошибок не «отстрелялся» никто, однако ошибки тоже бывают разные, потому...

– Господин капитан второго ранга! – Лидка четко повернулась к Спаржеву, одним неуловимым движением приняв строевую стойку. Теперь ее голос был подчеркнуто-официальным, без тени каких бы то ни было эмоций. – В свете всего вышесказанного рекомендую: допустить офицеров Величко, Гаунсшнауба, Деррини, Казинькевича, Лахтинена к дальнейшим занятиям и самостоятельным полетам.

Будь она поэтом или писателем, девушка, наверное, сказала бы, что лица названных пилотов «озарились неким теплым внутренним светом».

– Рекомендую отправить на дополнительную подготовку офицеров Плучека и Тагаву. У меня все.

– Разрешите обратиться! – вышедший из строя парнишка был очень молод – или, по крайней мере, производил такое впечатление. – Младший лейтенант Малкович. А что со мной?

Нижняя губа его заметно дрожала.

– Встаньте в строй, лейтенант, – отрезала Лидка, ни на секунду не задержав взгляда на его лице. – Офицерам, допущенным к занятиям и самостоятельным полетам, отдыхать. Сбор в учебном классе завтра в семь тридцать утра. Офицерам Плучеку и Тагаве через тридцать минут, – Лидка искоса взглянула на Спаржева, согласно кивнувшего в ответ, – явиться к командиру авиагруппы для

получения дальнейших распоряжений. Все, выполнять!..

Названных будто ветром сдуло, вслед за ними, привычным жестом поправив очки, неторопливо двинулся Николай Аркадьевич. Дождавшись, пока командир покинет ангар, девушка обернулась к оставшемуся парню:

– Послушайте, Джон... вас ведь так зовут, верно? Поймите и поверьте, я вовсе не придираюсь и уж тем более не наслаждаюсь собственной властью, но из вас не получится пилота-истребителя. Я видела ваш аттестат; прекрасный аттестат, отличные оценки по навигации, что, кстати, довольно большая редкость, особенно учитывая, в каком объеме вам читали этот курс. Так вот, мне кажется, вам нужно, ну, переквалифицироваться, что ли. Из вас получится хороший штурман или навигатор. И, поверьте, на этом месте вы принесете нам всем куда больше пользы!..

– Но я хочу быть пилотом... – негромко пробормотал парень, так и не опустив взгляда.

– Пилота из вас не получится, – с легкостью выдержав его взгляд, отрезала Лидка. – Поверьте моему опыту. И я никогда не выпущу в самостоятельный полет человека, в котором не буду уверена на сто процентов. Ни-ког-да! Свободны, Малкович, идите.

Парень козырнул и, сгорбившись, повернулся, чтобы уйти.

– Все-таки подумай над моими словами, – негромко сообщила девушка в его обтянутую высотным костюмом спину.

Спаржев, как ни странно, ждал ее возле дверей ангара, теребя в пальцах неприкуренную безникотиновую сигарету. Лидка дернулась было, но командир махнул рукой:

– Да брось, Бачинина, вольно! Пойдем, проводишь меня?

– Конечно, Николай Аркадьевич, – настороженно кивнула девушка – ох, как она не любила подобные прелюдии! – Вы насчет Малковича? Я не могла поступить с ним иначе, из него не получится хорошего пилота. Да и вообще никакого пилота

не получится, честно говоря.

Командир с удивлением взглянул на подчиненную:

– Что? А, ты про этого паренька? Да нет, конечно, что ты, при чем тут он? Ты же знаешь, я полностью доверяю твоему опыту.

– А ведь для него это, похоже, мечта всей жизни, – тихо произнесла Лидка, шагая рядом со Спаржевым по гасящему звук шагов антистатическому пластиковому покрытию. – Жалко...

– Жалко, если его завалят в первом же бою! – мрачно буркнул «кап-два». – Кстати, распорядись, чтобы сегодня за ним приглядели – молодой он еще, глупый, не ровен час, что-нибудь с собой сделает...

Бачинина коротко кивнула: сама, мол, знаю, не впервой.

– Нет, Лида, я о другом, – коротко хрустнув, многострадальная сигарета наконец сломалась. Николай Аркадьевич несколько секунд удивленно разглядывал ее, затем смущенно засунул в карман кителя, сдув с пальцев прилипшие табачные крошки: – Я о твоей сестре. – Он помахал рукой, останавливая готовую что-то сказать девушку. – погоди, Бачинина. Насчет ваших, гм, непростых отношений я в курсе, не о том речь. Тебе, наверное, небезынтересно будет узнать, что она сейчас на борту «Мурманска», входящего в состав нашей группировки. Меня попросили навести о тебе справки, вот я и... э-э... навожу...

Лидка расслабленно улыбнулась: оказывается, ничего страшного не произошло! Просто Николай свет Аркадьевич в своем репертуаре: едва только дело касается чего-то более-менее личного или семейного, он теряется и начинает, как говорится, раздувать «из мухи слона»!

Спаржев задумчиво поправил очки:

– Не радуйся особо, Лидия, это еще не все. Дело в том, что твоя сестра... гм... попала в достаточно щекотливую ситуацию. Во время одной из десантных операций она оказалась в тылу противника и несколько дней находилась... э... ну, ты понимаешь? И это при том, что участие в операции она приняла

самовольно, в обход прямого запрета непосредственного командира. Мой старый товарищ, человек, обратившийся ко мне за помощью, занимает достаточно высокий пост в нашей Второй ударной и очень просил, чтобы ты дала, гм, рекомендации относительно сестры...

– Особый отдел? – дошло наконец до девушки.

– Э... да, – кивнул Спаржев, – молодец, что сама поняла. Не умею я о таком говорить. В общем, контр-адмирал Чебатулин очень просил моего содействия в разрешении этой... этого момента.

– Хорошо, Николай Аркадьевич, я поняла, – кивнула девушка, – все, что угодно. А вопрос можно?

– Конечно. – Спаржев едва заметно напрягся.

– Это он просил навести справки обо мне? В смысле, контр-адмирал?

– А, ты об этом. Нет, не он, а твоя сестра... через него, впрочем. Еще до того, как все произошло. Вот такие дела... – Кавторанг облегченно выдохнул, открывая дверь в свою каюту, к которой они как раз подошли.

– Ладно, скажете, что конкретно от меня требуется, – улыбнулась девушка, – я все подтвердую... подтверждаю. Я свободна?

– Да-да, ступай, Лидка. – Спаржев похлопал ее по плечу. – Ступай, отдохни. Насчет паренька этого не забудешь распорядиться? Можешь от моего имени...

Вернувшись к себе, Лидка, не раздеваясь, достала с полки голоснимки, по традиции зачастую все еще называемые «фотографиями». Снимков было немного, всего несколько штук. Ее школьная компания – вон Ромкина голова сзади, он и тогда был выше остальных, и совсем еще маленькая Лидка на переднем плане. Она с толпой «своих» мальчишек, приятелей по клубу. А вот она же, но уже в кадетской форме – хорошенькая и воинственная, рядом такие же кадеты, только мальчишки: больше девочек на фотографии нет. Лидка с толпой пилотов; Лидка и неуловимо похожие друг на друга ребята-космодесантники.

И последний снимок, не случайно оказавшийся самым дальним в пачке, – вся их семья: папа, мама и обе сестры.

Бросив фотографии на койку, она несколько минут сидела без движения, глядя куда-то в угол. В юности мы все бываем слишком категоричными. Тогда, много лет назад, услышав от родителей, что у нее больше нет семьи, она решила, что ее и в самом деле нет. Просто родители так и не повзрослели, оставшись жить с какими-то своими нелепыми идеалами, категоричным мнением по любому поводу, твердым убеждением, что только их точка зрения является правильной, а все остальные даже не имеют права на существование. И только что она окончательно это поняла. Непонятно, почему именно сейчас, возможно, сообщение Спаржева о ее сестре повлияло, но тем не менее... «Мамочка, – едва ли не впервые за все эти годы шепнули Лидкины губы. – Папа! Простите меня!»

Шмыгнув носом, девушка снова взяла в руку семейное фото и, более не сдерживаясь, расплакалась. Эх, видели бы сейчас парни из эскадрильи свою Бешеную Белку – засмеяли бы, наверное! Прозвище «Бешеная» она получила уже в училище, когда как следует отметелила чрезмерно навязчивого ухажера, решившего насильно осчастливить ее своим вниманием. «Белка» же появилась гораздо раньше – сколько ей тогда было лет? Одиннадцать? Или двенадцать? Сестрица в шутку назвала ее Изабеллой – потому что на ее день рождения отец купил жутко дорогое вино из винограда двух земных сортов: «Лидия» и «Изабелла», и Лидка уже мысленно провела аналогию с героинями старинных рыцарских романов – кого же еще могли звать таким романтичным именем?! Но особо размяться на эту тему не удалось.

– Какая ж она Изабелла? Пока она просто Белка! – пошутил папа; пошутил, на Лидкин взгляд, неудачно, и тем неудачнее, что сделано это было в присутствии целой компании ее друзей. Но, похоже, кроме самой виновницы, никто не счел шутку неудачной, и прозвище накрепко приклеилось к ней.

Лидка поерзала, поудобнее устраиваясь на койке, примостила фотографию рядом с собой на подушке и, закрыв глаза, впустила поток воспоминаний в свое сознание...

...Роман Самарин нравился Лидке давно; пожалуй, еще с того раза, когда впервые появился у них дома. Сколько лет назад это было? Лика тогда училась в девятом, Лидка соответственно – в четвертом, значит, больше двенадцати лет прошло. У старшей сестры было много друзей, и все они постоянно толклись в их

доме – мама шутила, что уже и сама не может определить, где ее дети, а где – чужие. Лике тогда нравился сосед, молодой курсант Ян, и Лидка искренне недоумевала, как сестра может обращать внимание на кого-то еще, когда рядом Роман? Но, немного повзрослев, она стала радоваться, что у Лики и Романа чисто приятельские отношения, безо всяких там «амуров». Приятели сестры хорошо относились к Лидке, но все-таки воспринимали ее как малявку. «Пойди – принеси – помоги – хочешь с нами посидеть?» Девочка это понимала и лишний раз «к взрослым» не лезла: однажды отец позвал ее в свой кабинет «для серьезного разговора» и пояснил, что не все их разговоры предназначены для детских ушей. Лидка тогда, к слову, едва не разревелась: сестру-то папа, оказывается, уже взрослой считает, а ее, значит...

– Тебя никто не прогоняет, с тобой общаются, и ты должна быть за это благодарна, – сказал тогда отец. – Но ты могла бы заметить, что мы с матерью стараемся долго не сидеть с Ликой и ее друзьями, чтобы они могли общаться более спокойно и непринужденно. Подумай об этом, ты уже достаточно взрослая.

Ага, подумать, значит, уже взрослая, а сидеть с ними – нет?! Девочке было обидно до слез, но мозги у нее, как часто повторял папа, «все-таки были», и она приняла сказанное к сведению. Но три года назад у Лики началась взрослая жизнь: она и ее друзья поступили в высшие учебные заведения. Лидка недоумевала, почему сестра, всю жизнь общавшаяся исключительно с мальчишками, занимавшаяся альпинизмом и борьбой, победительница районной олимпиады по математике и городской – по физике, вдруг выбрала себе абсолютно мирную, по Лидкиному мнению, специальность, поступив на факультет журналистики. Хотя недоумение по поводу выбора профессии возникло только у нее: родители совершенно нормально отнеслись к стремлению дочери «продолжить семейные гуманитарные и гуманистические традиции». Мать – лингвист и отец – профессор древнейшей истории в местном университете с уважением относились к способностям дочери к точным наукам и к спорту, но, похоже, не воспринимали эти ее увлечения всерьез.

– Гуманитарное образование позволяет человеку развиваться как личности, оно не накладывает на нее никаких ограничений, – часто патетически восклицал отец; особенно часто – когда у них гостил его двоюродный брат Юрий, бывший законченным «технарем» (и, кстати, достаточно известным конструктором столь необходимых для гиперпрыжков привязных маяков).

– Только техническое образование может приучить человека мыслить самостоятельно, а не подбирать подходящие идеи из уже кем-то изложенных! – кричал в ответ дядя, багровея лицом. Мама при этом смеялась, а Лидка? У нее в голове отложилась эта фраза. Честно говоря, ей казалось, что сестра сможет нарушить гуманитарные традиции семьи, но та поступила на факультет журналистики, и младшая серьезно подозревала, что именно из-за того, чтобы не разочаровывать родителей. Сама же она таких экстраординарных способностей не имела, но постоянное сравнение со старшей сестрой («Бачинина? А Лика случайно не ваша ли сестра? Очень, очень талантливая девочка!») сыграло в ее жизни немалую роль. Во-первых, в школе тоже пришлось хорошо учиться, делая упор и на те предметы, в которых отличилась Лика, и на те, которые она обделила своим вниманием. Наградой стало случайно подслушанное высказывание учительницы по химии.

– Младшая Бачинина? Очень толковая девочка! – сказала математичка. – Если не сдаст позиции, будет, пожалуй, не хуже сестры.

– Да уж, обе Бачинины – это нечто! – вслед за ней высказалась учительница русского и интерславии. – Просто исключительные дети. А их сочинения...

– Ну, не знаю, как там насчет старшей – она, безусловно, девочка способная, – прокуренный голос химички нельзя было спутать ни с чьим другим, – но дальше школьной программы она у меня не пошла. А младшая... О, у нее абсолютно парадоксальное мышление и просто железная логика. Вы даже не представляете, насколько...

В кабинете, в котором проходил педсовет, зашумели – в глазах других педагогов это заявление выглядело несколько сомнительным. Однако химичка лишь отмахнулась:

– Оставьте. Я тридцать лет учу детей и, поверьте, кое в чем разбираюсь. Эта девочка далеко пойдет, жаль только, что не в науке. Быть ей или великим полководцем, или гениальнейшей авантюристкой. Лишь бы только родителям хватило духа это понять.

Дальше слушать Лидка не стала: зачем, если все самое приятное уже услышала? А чтобы не гнаться за достижениями сестры в альпинизме и самбо, Лидка выбрала для себя совсем другие виды спорта: конный и парашютный. Родители

долго смеялись по поводу нелепого, на их взгляд, сочетания, но девушке именно это сочетание подарило ощущения свободы и полета – две вещи, что так напоминают друг друга и без которых, попробовав их однажды, столь трудно жить. Словом, решение о дальнейшей профессии было принято само собой, «по мощному велению души», которое Лидка, в отличие от старшей сестры, вовсе не собиралась глушить в угоду каким-то идиотским семейным традициям. Правда, когда Лика, окончив первый курс журфака, приехала на каникулы, Лидка поняла, насколько она ошибалась: сестра, рассказывая о том, чему она научилась за год и как прошла ее первая практика, вся прямо лучилась счастьем, и младшая впервые задумалась, что, возможно, она в выборе профессии руководствовалась именно призванием. Многочисленные Ликины друзья тоже приехали на каникулы и вновь стали собираться у Бачининых, но у Лидки теперь уже была своя компания и свои дела, куда более важные, чем присутствие на «взрослых» вечеринках. Кроме того, чувства ее к Роме не изменились и даже, пожалуй, усилились, а ходить по дому с красными ушами и надеждой на то, что их (в смысле, уши) никто не заметит, вовсе не хотелось.

В восьмом классе девочка неожиданно увлеклась моделированием космических кораблей и могла за каким-нибудь особо сложным расчетом просидеть целую ночь. Дядя Юра, зайдя как-то в гости и застав ее за расчетами, долго щурил близорукие глаза, а потом, забывшись, со всей силы хлопнул ее по щуплому плечу:

– Да ведь это ж идея! Слушай, Белка, а давай-ка, оканчивай школу, и я тебя в группу пристрою, при нашем КБ, мы обычно не больше пяти человек набираем, конкурс – дикий! Но с генеральным я, думаю, сговорюсь, так что – добро пожаловать!

– Ну, предположим, космические корабли – это все-таки необходимо, – потягивая чай, говорил чуть позже отец.

– Конечно, Стасик, никто и не отрицает, да вот только эта профессия совсем не для девочки. Разве нет?

Лидка, слушая разговоры родителей, тихонько посмеивалась, но не спорила. Конструктор – не женская профессия? Возможно. А интересно, что родители скажут, когда узнают, какую профессию выбрала себе младшая дочь? А ведь она решила стать пилотом-истребителем. Да-да, самым настоящим боевым пилотом! Правда, не последнюю роль в выборе специальности сыграло и то, что военное

училище по этой же специальности заканчивал Роман. Пока о ее мечте не знал никто: ни папа (у него явно случился бы инфаркт), ни мама, ни, конечно же, Лика: почему-то ее насмешек сестра боялась куда больше, нежели охов и ахов родителей. Даже верный друг Вовка, обычно бывший в курсе всех ее секретов, на сей раз в тайну посвящен не был. Никто не знал о том, что она отправила документы с результатами медицинского обследования; никто не знал, что ей прислали специальные тесты; и, уж конечно, никто и понятия не имел, что из училища пришло официальное уведомление (настолько официальное, что было напечатано на настоящей бумаге!) о том, что она, Лидия Бачинина, предварительно зачислена на первый курс. И приглашается непосредственно в училище для повторного медицинского освидетельствования, в случае успешного прохождения которого может считать себя кадетом. Девушка твердо решила, что поставит родителей в известность непосредственно перед отъездом. Все было решено – твердо и однозначно, и Лидка не хотела заранее портить нервы ни себе, ни окружающим.

В тот год Лика, как обычно, приехала на каникулы, и на следующий же день после ее приезда была устроена вечеринка в честь получения диплома бакалавра, защищенного на год раньше положенного.

– Дочка, мы тобой гордимся! – в очередной раз прижимая Лику к себе, говорила мама.

– Ты бы еще на сестрицу свою повлияла, – вторил отец. – Девятый класс закончила, а до сих пор с выбором профессии не определилась, даже приблизительно.

Старшая сестра, улыбаясь, перебирала спутанные кудри младшей, в точности такие же рыжие, что и у нее самой.

– А может, я сразу после школы замуж выскочу? За финансиста из МФК? И мне и определяться ни с чем не придется? – эту фразу Лидка уже тоже говорила не в первый раз: обычно после нее мама в ужасе хваталась за сердце, отец со смехом – за бока, после чего тема некоторое время не поднималась. Но в этот раз все испортила старшая сестра.

– А что? Может, и выскочит, – задумчиво сказала она, не оставляя сестриных кудрей. – Вон какая красавица выросла. Только, пожалуй, с таким характером

тебе не за финансиста, а за генерала впору выходить...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Амбаркация (от франц. *embarquement* – погрузка, посадка) – погрузка войск и воинских принадлежностей на корабли (суда) с целью доставки в назначенное место. В данном случае подразумевается эвакуация космического десанта с поверхности планеты. Расшифровку некоторых других технических терминов, используемых в книге, можно найти в ее конце, в глоссарии, подготовленном авторами.

2

АКУГ – атмосферно-космическая ударная группа (группировка); на кораблях подобного класса в состав БЧ-7 (атмосферная и пространственная авиация) входят не только истребители-перехватчики прикрытия, но и штурмовые модули, и десантные либо спасательные челноки, что сделано из соображений удобства обслуживания и снабжения. Поскольку десантные и спасательные модули обслуживают в основном флотский космодесант, они лишь числятся в этой БЧ, на самом деле находясь в оперативном управлении 1-го зама командира корабля или начштаба. Впрочем, во время проведения боевой операции с участием и атмосферной, и космической авиации, и десантной техники

командование осуществляет кто-то один, как правило – непосредственный командир всей БЧ.

Купить: https://tellnovel.com/ru/garda_yuriy/kod-vlasti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)